

Улица остаётся

Майя Реутова

Майя Реутова
Улица остаётся

«Автор»

2026

Реутова М.

Улица остаётся / М. Реутова — «Автор», 2026

В рыбацком посёлке Белая Пристань закрывают аварийный дневной стационар. Район обещает возить пациентов в город, но первый автобус ломается, а поездка всё равно попадает в отчёт как выполненная. Медсестра Вера Нечаева отказывается ставить подпись под удобной неправдой и начинает считать не рейсы, а людей, которые действительно получили помощь. Вера давно купила билет на март и собирается уехать после многих лет, отданных работе и уходу за матерью. Но чем настойчивее Причальная улица добивается нового филиала, тем чаще соседи пытаются сделать саму Веру его главным условием. Чтобы сохранить законную помощь и не остаться пожизненной заменой всей системе, ей придётся передать другим ключи, обязанности и право принимать решения. «Улица остаётся» — современный роман о маленьком посёлке, общей работе и трудном праве уехать без вины. О том, как забота становится устойчивой только тогда, когда перестаёт держаться на одном незаменимом человеке.

© Реутова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Последняя смена	6
Глава 2. Автобус по ведомости	14
Глава 3. Подпись медсестры	25
Глава 4. Причальная узнаёт	36
Глава 5. Чиновник по инструкции	44
Глава 6. Комната ожидания	51
Глава 7. Первое удобное нарушение	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Майя Реутова

Улица остаётся

От автора

Уехать из маленького места трудно не только потому, что жалко дом, море или знакомую дорогу. Иногда человека удерживают просьбы, которые кажутся слишком разумными, чтобы отказать: позвони за меня, проверь расписание, побудь до утра, ты ведь всё равно знаешь, как лучше. Одна просьба редко меняет жизнь. Но сотни маленьких просьб могут сделать заботливого человека единственной подпоркой для целой улицы.

Эта книга — о людях, которые пытаются сохранить нужное им место, не назначая одного из соседей вечным спасателем. В ней нет простого выбора между добротой и равнодушием. Есть аварийные стены, зимний автобус, обязанности, за которые кто-то должен получать деньги, и помощь, которая перестаёт быть помощью, если отказаться от неё нельзя.

Мне хотелось рассказать историю о праве остаться и праве уехать. О том, что общий порядок начинается не с громкого обещания, а с точной записи: кто пришёл, кто не доехал, кто взял ключ и кто придёт завтра. И о том, что сделанное человеком не обесценивается, когда дальше другие справляются без него.

Глава 1. Последняя смена

В половине восьмого Вера поставила на плитку жёлтое ведро, потому что синее уже стояло под потолком у окна, а третьего в дневном стационаре не было.

Вода падала редко, с промежутком в семь или восемь секунд. За ночь в синем ведре набралось на два пальца. Вера сунула руку под струйку, растёрла между пальцами серую влагу и посмотрела вверх. По белой краске расплзлось новое пятно, похожее на карту полуострова. Вчера его край доходил до лампы. Сегодня пересёк провод.

Она выключила свет в процедурной и написала на куске пластыря: «Не включать». Пластырь приклеила к выключателю, хотя кроме неё и санитарки Тани до девяти никто сюда не входил. Потом отодвинула кушетку от стены, накрыла аппаратуру клеёнкой и пошла звонить заведующей.

Телефон в регистратуре отвечал короткими гудками. В посёлке ещё не начался рабочий день, но море уже гремело за пустыми гостевыми домами, и ветер толкал в стекло мелкую крупу. Вера набрала районную поликлинику. Там долго играла музыка, потом сонный мужской голос сообщил, что приёмная откроется в восемь.

— У нас вода рядом с проводом, — сказала Вера.

— Девушка, я охрана.

— Позовите дежурного врача.

— Врач на вызове.

— Тогда запишите: Белая Пристань, дневной стационар, протечка над процедурной, электричество отключено. Нечаева Вера Андреевна.

— Я такие заявки не принимаю.

— А какие принимаете?

Охранник вздохнул, будто она пришла греться в его будку.

— Аварийные через сто двенадцать.

— Сто двенадцать пришлёт электриков из района?

— Не знаю.

Вера записала время звонка в толстую тетрадь возле телефона. Эта тетрадь появилась после того, как летом три дня не вывозили медицинские отходы и каждый следующий человек говорил, что впервые слышит. Теперь впервые услышать было труднее: у каждого звонка имелись время, имя и короткий итог.

В семь сорок две она дозвонилась до заведующей. Галина Петровна попросила никого не принимать в процедурной, перенести людей в комнату отдыха и ждать комиссию.

— Какую комиссию?

— Район уже в курсе. Вчера вечером пришло заключение по перекрытиям.

— Вчера вечером пятно было меньше.

— Дело не в пятне. Вера, не спорь по телефону. Серов едет к десяти.

— Зачем едет Серов?

Галина Петровна помолчала. На линии треснуло, будто и туда попала морская вода.

— Закрывать пристройку.

Вера села на стул регистраторши. Стул оказался слишком низким; колени поднялись к краю стола.

— На ремонт?

— Пока полностью. Дневной стационар переводят в район. Пациентам дадут транспорт.

— Какой транспорт?

— В десять всё скажут. До приезда комиссии новых процедур не начинать. Кто уже пришёл — осмотр врача, назначения по возможности перенести.

— Наш врач сегодня в Верхних Лугах.

— Значит, переносить.

— Люди уже едут.

— Не принимай. Я сказала ясно?

Вера посмотрела на дверь. За матовым стеклом качалась тёмная фигура. Кто-то вытирал ноги о железную решётку.

— Ясно, — ответила она.

Первой пришла Тамара Ильинична. Она всегда приходила за двадцать минут, снимала в тамбуре мокрый платок, аккуратно складывала его в пакет и только потом здоровалась. Сегодня платок был посыпан ледяной крупой. На правой руке старуха несла варежку, на левой — пластиковую папку с документами.

— Свет чего не горит? — спросила она.

— Крыша течёт возле провода. Сегодня процедур не будет.

Тамара Ильинична не стала ахать. Подошла к выключателю, прочитала пластырь и заглянула в коридор.

— Опять ведро?

— Уже два.

— Я в шесть встала.

— Знаю.

— Козу соседке отдала до обеда.

— Знаю, Тамара Ильинична.

— Не знаешь. Коза её боднула в прошлый раз. Она сказала, ещё раз возьмёт только за банку тушёнки.

Вера помогла ей снять пальто. В комнате отдыха было прохладно: батарея у дальней стены прогревалась только сверху. Она включила чайник и попросила подождать звонка из района.

— А сегодня что? — спросила Тамара Ильинична.

— Ничего без врача и безопасной комнаты делать не будем.

— Ты можешь.

— Не могу.

— Руки у тебя не отсохли.

— Руки на месте. Помещение закрывают.

Тамара Ильинична посмотрела на неё внимательнее.

— Совсем?

Вера не успела ответить. В тамбур вошёл Николай Горин, за ним его жена, потом Аркадий Нечаев. Дядя Веры захлопнул дверь плечом, поставил у стены трость и начал снимать куртку, как дома.

— Чего в темноте сидите?

— Вода возле проводки.

— Так пробки выбей и работай в другой комнате.

— Пробки выбила. Сегодня приёма не будет.

— У меня по расписанию.

— У всех по расписанию.

Аркадий повесил куртку на крючок с надписью «Персонал». Он делал так много лет. Раньше Вера перевешивала. Последние месяцы перестала: небольшое раздражение казалось дешевле одинакового разговора. Теперь она сняла куртку и перенесла на общий крючок.

— Переводят в район, — сказала Тамара Ильинична.

— Кто сказал?

— Вера не сказала. По лицу видно.

Аркадий посмотрел на племянницу.

— Надолго?

— В десять приедет Серов, объяснит.

— А ты что объяснишь?

— То, что знаю: пристройку закрывают, обещают транспорт до районного стационара.

— Обещают, — повторил Николай Горин. — Они летом обещали рейс в шесть двадцать вернуть.

Его жена толкнула его локтем. Она не любила, когда муж начинал спорить до завтрака.

Вера поставила на стол кружки. В обычное утро люди приходили по одному, здоровались тихо и расходились между комнатами. Сегодня никто не знал, куда идти, поэтому все остались вместе. За полчаса набралось девять человек. Они сидели в пальто, держали папки на коленях и смотрели, как Вера звонит в район.

Она не любила работать при зрителях. Любое «да, понимаю» звучало перед ними как согласие, любое «ничего не могу обещать» — как отказ помочь. Вера записывала имена дозвонившихся, время и ответы. В восемь пятнадцать регистратор района сказала ждать распоряжения. В восемь тридцать заведующая повторила, что транспорт будет. В восемь сорок семь водитель поселковой администрации сообщил, что его микроавтобус возит детей и свободен после двух.

— После двух нам зачем? — спросил Аркадий.

— Я не с тобой разговариваю.

— Так громко разговариваешь.

Вера прикрыла трубку ладонью.

— Тогда слушай молча.

Он обиделся и вышел курить под навес.

К девяти потолочная вода стала падать быстрее. Таня принесла из уборной таз и расстелила вокруг старые простыни. Процедурная пахла сырой штукатуркой. По коридору тянуло морским холодом каждый раз, когда кто-нибудь входил.

Лида Кравцова принесла термос и пакет пирожков. Она не была пациенткой. Увидела людей у амбулатории из окна гостевого дома и решила, что случилось несчастье.

— Пока только крыша, — сказала Вера.

— Крыша у вас третий год.

— Теперь закрывают.

Лида замерла с открытым пакетом.

— Кого?

— Нас.

— На зиму?

— Не знаю.

— А людей куда?

— В район. Будет автобус.

В комнате отдыха кто-то засмеялся. Не весело — так смеются, когда ответ слишком точно совпадает с опасением.

Лида раздала пирожки, хотя Вера просила сначала спросить, кому можно есть. Пирожки были с картошкой, но даже обычная еда в стационаре не становилась безобидной для всех. Вера забрала пакет, назвала тех, кому лучше подождать, и получила от Лиды сердитый взгляд.

— Я помочь хотела.

— Помоги спросить, а не раздать.

— Ты сегодня колючая.

— Я сегодня на работе.

Лида отвернулась, но через минуту уже ходила с чайником и спрашивала каждого. В этом была вся она: сначала открывала дверь, потом выясняла, в чей дом вошла.

Вера посмотрела на часы. На экране телефона светилось напоминание: «Подтвердить выход 25 марта». Областная клиника ждала её ответа до пятницы. Работу нашла бывшая однокурсница. Комната при общежитии освобождалась в середине марта. Билет лежал дома в синей папке с документами матери, потому что другого места для важных бумаг Вера пока не завела.

Она представляла свой отъезд не как новую жизнь, а как ряд выполнимых действий. Продать старый холодильник. Закрыть лицевой счёт матери. Отдать дяде запасной ключ. Сесть на автобус восемнадцатого марта. Выйти через пять часов там, где её никто не попросит по дороге измерить давление соседке.

До сегодняшнего утра закрытие стационара не входило в этот список.

В десять без десяти к амбулатории подъехали две машины. Из первой вышла Галина Петровна, из второй — Павел Серов и знакомый мужчина с плоским чемоданчиком. Серов был в тёмном пальто, слишком лёгком для морского ветра, и сразу придержал дверь для инженера. Он не выглядел человеком, который приехал лишить посёлок медицинской помощи. Выглядел человеком, который опаздывает на следующее совещание.

— Все здесь? — спросила заведующая.

— Девять пациентов и ещё трое пришли узнать, — ответила Вера. — Процедуры не начинали. Электричество в комнате отключено в семь тридцать пять. Первый звонок в район — семь сорок две.

— Хорошо. Павел Михайлович, это наша Вера Андреевна.

Серов протянул руку. Вера показала ему мокрую ладонь после ведра и не пожалала.

— Там вода идёт, — сказала она.

Инженер первым прошёл в процедурную. Серов остался у двери, прочитал пластырь на выключателе и спросил, кто его повесил.

— Я.

— Правильно.

Это короткое одобрение почему-то разозлило Веру сильнее, чем если бы он начал командовать.

Инженер не касался стены. Посветил фонарём, сфотографировал пятно, проверил прибором влажность у провода и вышел.

— Помещение обесточить полностью. До вскрытия перекрытия вход закрыть.

— Там медикаменты и документы, — сказала Галина Петровна.

— Забрать сейчас под моим наблюдением. Потом дверь опечатать.

— Ремонт когда?

Инженер посмотрел на Серова. Тот расстегнул папку.

— По предварительному обследованию ремонт этой пристройки нецелесообразен до решения по основному зданию. Она возведена позже, часть документов не найдена. Сегодня речь не о сроках ремонта, а о прекращении работы в опасной комнате.

— Основному зданию шестьдесят лет, — сказала Вера. — Если ждать решения по всему, мы здесь состаримся.

— Именно поэтому подготовлен временный порядок.

— На сколько он временный?

— Пока районная поликлиника не определит другое помещение или не изменит порядок оказания помощи.

Серов говорил ровно, без привычной чиновничьей важности. Он не прятал глаза и не делал вид, будто жалеет каждого. Вера могла бы уважать эту ровность, если бы за дверью не сидели девять человек в мокрых сапогах.

— Люди ждут, — сказала она.

— Я готов им объяснить.

Он вошёл в комнату отдыха, представился и не стал просить всех разойтись. Сообщил, что здание закрыто по безопасности, что назначения сохраняются, а пациентов будут доставлять в районный центр специальным транспортом три раза в неделю. Посадка — у администрации в семь тридцать, возвращение после завершения всех назначений.

— После всех — это когда? — спросила Тамара Ильинична.

— По графику около четырнадцати часов.

— А коза?

Серов не понял.

— Мне её кому на семь часов отдавать? Соседка на работу к девяти. Автобус ваш меня домой в три привезёт.

— Частные обстоятельства график учесть не может.

— Коза тоже частная. Только молоко общее покупаете.

Кто-то засмеялся. Серов дождался тишины.

— Первый рейс будет в понедельник. Список формирует амбулатория. Тем, кому тяжело дойти до администрации, социальная служба организует подвоз.

— Откуда? — спросил Николай. — У них одна машина без правого зеркала.

— Машина исправна.

— Зеркало осенью на нашей улице осталось.

Серов повернулся к Галине Петровне. Та тихо сказала, что зеркало заказано.

— До понедельника будет установлено, — ответил он. — Все вопросы по конкретным людям запишем после общего объявления.

Аркадий поднялся, опираясь на трость.

— А сегодня?

— Сегодня процедуры перенесут по медицинским показаниям.

— Куда перенесут?

— Решит врач.

— Врач в Верхних Лугах.

— С ним свяжутся.

— Кто?

Серов посмотрел на Веру. Всего один взгляд, короткий и, возможно, ничего не означавший. Но все остальные тоже посмотрели на неё.

Она почувствовала, как будущее решение уже кладут ей в руки. Позвонить врачу. Составить список. Объяснить каждому. Найти тех, кто не пришёл. Проверить автобус в понедельник. Уладить козу Тамары Ильиничны, хотя коза не имела отношения к должности медсестры.

— Сегодня связывается заведующая, — сказала Вера. — Я собираю только факты по тем, кто пришёл и не получил назначенное. График транспорта составляет район.

Галина Петровна недовольно подняла брови, но кивнула.

— Да. Я свяжусь с врачом.

После объявления люди не разошлись. Каждый хотел понять, попал ли в понедельничный список, что брать с собой, можно ли ехать родственнику и где ждать социальную машину. Серов сел за стол регистратора и начал записывать вопросы. Он писал разборчиво, уточнял адреса и не обещал невозможного. Вера заметила это против желания.

Когда очередь дошла до Аркадия, тот назвал адрес Веры.

— Ты живёшь на Рыбной, — сказала она.

— Но ждать могу у тебя. Причальная ближе к администрации.

— Меня дома не будет.

— У меня ключ.

— Старый. Я сменила замок.

Аркадий повернулся к ней всем телом.

— Зачем?

— Замок заедал.

— А ключ почему не дала?

В комнате стало тише. Вера почувствовала знакомое желание ответить мягко, пообещать поговорить потом, не выносить семейное при людях. Именно из таких мягких ответов складывалось убеждение дяди, что дверь племянницы остаётся его запасным входом.

— Потому что это мой дом, — сказала она. — Если понадобится ждать автобус, договоримся заранее. Адрес укажи свой.

Аркадий назвал Рыбную. Серов записал, не поднимая глаз.

К полудню инженер опечатал процедурную. Таня вынесла документы, лекарства в запираемом ящике и маленький холодильник. Последним Вера забрала настенные часы. Они остановились, когда она вынула вилку, на двенадцати семи.

В коридоре осталось светлое прямоугольное пятно от их корпуса.

— Повесь в общей комнате, — сказала Таня.

— Зачем?

— Чтобы не так пусто.

— Мы и общую закрываем.

Таня села на край стула.

— Меня куда?

Галина Петровна уже уехала звонить врачу. Серов стоял на улице с инженером. В комнате были только они двое, ведро и часы в руках Веры.

— Не знаю, — ответила Вера.

— Тебя в район возьмут.

— Я не просилась.

— А куда ты?

Вера хотела сказать: в областной город, восемнадцатого марта, у меня уже билет. Но новость ещё не была готова жить во рту Тани, потом Лиды, потом всей улицы. Пока отъезд оставался последовательностью действий, а не общим событием.

— До марта я здесь, — сказала она.

— До марта далеко.

— Четыре месяца.

— Зима.

В Белой Пристани четыре зимних месяца действительно могли быть дальше целого года. Дорогу заносило, море срывало шифер, автобусы исчезали между остановками и ведомостями. Но Вера впервые не захотела соглашаться, что расстояние измеряется чужой трудностью.

Она положила часы в коробку.

На улице Серов ждал её у машины. Ветер прижимал полы лёгкого пальто к ногам.

— Вера Андреевна, список сегодняшних пациентов сможете передать до вечера?

— Смогу передать список тех, кто пришёл и не получил назначенное. С причинами и временем.

— Этого достаточно.

— Кто проверит первый автобус?

— Перевозчик отчитывается перед районом.

— Я не спросила, кто отчитается. Кто проверит, что люди доехали?

Серов закрыл папку.

— Водитель отмечает посадку и доставку.

— Один и тот же человек везёт и подтверждает, что довёз?

— Таков порядок по контракту.

— Если автобус не придёт, он тоже отметит?

— Почему он не должен прийти?

Вера показала на крупу, летевшую вдоль улицы почти горизонтально.

— Потому что здесь ноябрь. Потому что у социальной машины нет зеркала. Потому что прошлой зимой рейс отменяли шесть раз, а в посёлке об этом узнавали на остановке.

— Специальный транспорт — не рейсовый автобус.

— Дорога одна.

Серов помолчал. Из-под водостока амбулатории стекала тонкая струя, уже схваченная льдом у земли.

— Вы хотите сами вести учёт?

— Нет. Я хочу знать, кто будет.

— Поликлиника получит ведомость перевозчика.

— Значит, никто со стороны пациентов.

— Если у вас есть предложение, изложите письменно.

Он произнёс это без насмешки. Вера знала такой ответ: письменное предложение часто было дверью в стене, нарисованной краской. Но иногда за дверью оказывался человек, которому становилось труднее сказать, что он ничего не слышал.

— Изложу, — сказала она.

Серов кивнул и сел в машину.

Лида ждала за углом, прижимая к груди пустой термос.

— Ну?

— Что «ну»?

— Ты ему сказала?

— Про дорогу сказала.

— Про отъезд.

Вера остановилась.

— Откуда ты знаешь?

— Не знала. Сейчас узнала.

Лида смотрела с обидой человека, которого лишили права первым услышать новость.

— Когда?

— Не сегодня.

— Вера.

— Лида, стационар закрыли два часа назад. Я не буду сейчас обсуждать свою жизнь на ветру.

— А когда будешь? Когда автобус подойдёт?

— Возможно.

— Ты поэтому такая спокойная?

Вера посмотрела на опечатанную дверь пристройки. За стеклом стояли в ряд жёлтое и синее ведра. Часы лежали в коробке у неё под мышкой. Девять человек разошлись без назначения, Таня не знала, где будет работать, а район считал проблему решённой автобусом, которого никто ещё не видел.

— Я не спокойная.

— Тогда останься и разберись.

Слова прозвучали слишком быстро, словно давно стояли у Лиды за зубами и только ждали подходящей беды.

— До марта разберусь в том, что входит в мою работу, — сказала Вера.

— А потом?

— Потом уеду.

Лида сжала термос.

- Люди к тебе привыкли.
- Это не трудовой договор.
- Я не про договор.
- Именно поэтому и опасно.

Вера пошла домой по Причальной. В несезон улица казалась шире. Летние вывески были сняты, окна гостевых домов закрыты ставнями, на перевёрнутых лодках лежала ледяная крупа. Из девяти домов дымили трубы. У сетевязальной мастерской болталась оторванная половина водостока. Дверь была забита, но одно высокое окно оставалось целым и отражало серое море.

У своего дома Вера увидела на ступеньках пакет. Там лежали три папки пациентов, забытые в суматохе, банка брусничного варенья от Николая и записка Аркадия: «В понедельник зайду в семь. Открой».

Она внесла пакет в переднюю, но записку оставила на столике у двери.

В доме пахло холодной золой. После смерти матери Вера топила только кухню и спальню, остальные комнаты держала закрытыми. В бывшей гостиной стояли коробки: посуда на продажу, книги для библиотеки, одежда на отдачу. На шкафу лежала синяя папка.

Вера достала билет. Белая Пристань — областной центр, 18 марта, 8:10, место двенадцать. Бумага была тонкой и совершенно неспособной защитить решение.

Она положила билет рядом с телефоном и открыла рабочую тетрадь.

«14 ноября. Помещение дневного стационара закрыто после протечки и заключения о состоянии перекрытий. Пришли девять пациентов. Назначенное не получили. Обещан специальный транспорт три раза в неделю. Проверка фактической доставки со стороны пациентов не предусмотрена».

Ниже она записала фамилии и время ожидания. Отдельно — вопросы, на которые никто не ответил: где люди ждут в непогоду, кто сообщает об отмене, как возвращаются те, кого отпустят раньше, что происходит с пациентом, если социальная машина не довезла его до общей остановки.

Телефон зазвонил. Аркадий.

Вера не ответила. Через минуту он позвонил снова, потом прислал сообщение: «Ты же всё равно дома».

Она перевернула телефон экраном вниз.

За окном по Причальной шла Тамара Ильинична. В одной руке папка, в другой пакет с платком. Она остановилась у закрытой мастерской, посмотрела на целое высокое окно и пошла дальше.

Вера дописала последнюю строку: «Первый рейс — понедельник, 7:30. Проверить не ведомость, а людей».

Потом подтвердила областной клинике выход двадцать пятого марта.

До автобуса оставалось сто двадцать четыре дня.

Глава 2. Автобус по ведомости

В воскресенье вечером Вера разложила на кухонном столе десять листов и поняла, что список пассажиров весит больше её билета.

Билет лежал под сахарницей, чтобы не свернулся от тепла. Листки заняли весь стол: фамилия, год рождения, адрес, время назначения в районной поликлинике, может ли человек дойти до администрации сам, нужен ли сопровождающий. Форму прислали из района в пятницу после обеда. В ней было место для подписи медсестры, хотя Вера не назначала транспорт и не могла отвечать за его исправность.

Она зачеркнула слово «ответственный» над своей фамилией и написала сбоку: «Список составила по сообщениям пациентов». Потом позвонила Галине Петровне.

— Так не примут, — сказала заведующая.

— Что именно?

— Исправления. Им нужен ответственный от амбулатории.

— За список отвечу. За автобус — нет.

— Вера, это одна строка.

— В четверг тоже была одна строка: транспорт предоставляется.

На том конце стало тихо. Галина Петровна устала за три дня больше, чем обычно за месяц. В пятницу она распределяла лекарства и оборудование из закрытой пристройки, в субботу искала свободные часы в районном стационаре, а сегодня звонила пациентам, которых врач успел принять на дому. Вера слышала эту усталость и всё равно не вернула зачёркнутое слово.

— Хорошо, — сказала заведующая. — Пиши как считаешь. Только утром будь у администрации. Водителю передашь список лично.

— Вы говорили, что его пришлют диспетчеру.

— Отправили. Но оригинал нужен водителю.

— Значит, копия останется у меня.

— Оставляй.

Вера положила трубку и переписала лист начисто. Девять фамилий. Десятым был Аркадий, хотя его приём перенесли на среду. Он позвонил в субботу и сказал, что поедет завтра: раз транспорт уже есть, пусть врач сам решает, когда его смотреть.

— Врач уже решил, — ответила Вера. — У тебя среда.

— Мне хуже.

— Тогда вызывай скорую или дежурного фельдшера. Автобус для плановых назначений не заменяет срочную помощь.

— К среде пройдёт. И что, зря поеду?

— Если пройдёт, поедешь в среду.

Он бросил трубку, но через час его фамилия появилась в списке, присланном районным диспетчером. Кто-то добавил её помимо Веры. Она позвонила Аркадию снова.

— Ты кому звонил?

— Куда надо.

— Куда?

— Серову в приёмную.

— И что сказал?

— Что медсестра отказывается включать пациента.

Вера сжала телефон так, что заболели пальцы.

— Ты не пациент понедельника. У тебя назначение в среду.

— В автобусе места казённые, не твои.

— Именно. Поэтому место должно достаться тому, кого завтра примут.

— Там двадцать мест.

— Откуда знаешь?

— В администрации сказали.

Она записала рядом с его фамилией: «Назначение 22 ноября, едет по собственной инициативе». Не вычеркнула. Если дядя придёт к автобусу, спор на морозе не сделает его разумнее. Но исправлять его решение своей ложью она тоже не собиралась.

В половине десятого Лида принесла фонарь на батарейках и старое одеяло.

— Это зачем?

— На остановке темно. А одеяло Тамаре на колени.

— Автобус будет в семь тридцать. Рассветёт.

— В семь тридцать он должен отъехать. Сказали прийти за двадцать минут.

Лида прошла на кухню и увидела бумаги.

— Сколько людей?

— Девять по назначению. Аркадий десятый самовольно.

— Места хватит?

— Если автобус будет тот, про который сказали.

Лида поставила фонарь на стол.

— Я тоже приду.

— Тебе зачем?

— Помочь посадить.

— Их не грузят. Они сами сядут.

— Тамара с тростью, Горин плохо видит в темноте, у Марьи Степановны сумка тяжелее её самой. Я не собираюсь лечить людей. Только помогу дойти.

Вера хотела сказать, что возле каждого общего дела Лида немедленно назначает себя хозяйкой. Но одеяло было чистым, фонарь работал, и утром помощь действительно пригодилась бы.

— Приходи к семи десяти, — сказала она. — Только не обещай никому обратную машину. Я не знаю, когда она будет.

— Ты иногда разговариваешь со мной, как с ребёнком.

— Потому что ты иногда обещаешь за чужой автобус.

— Один раз было.

— В пятницу ты сказала Николаю, что их привезут к обеду.

— Серов сам сказал около двух.

— Два часа — не обед для человека, который уехал в семь утра.

Лида поджала губы, потом взяла один из пустых листков.

— Хорошо. Что можно обещать?

— Что мы дождёмся посадки. Больше ничего.

— Очень щедро.

— Зато правда.

Они позвонили всем по списку. Вера называла только подтверждённое: сбор у администрации в семь десять, отъезд в семь тридцать, документы и лекарства с собой, еду брать по своим ограничениям, возвращение после того, как закончатся назначения у всех пассажиров. Лида после каждого разговора записывала бытовую подробность. Тамару приведёт соседка, но забрать обратно не сможет. Марье Степановне нужен стул со спинкой. Николай поедет с женой, хотя в районном списке сопровождающая не значилась. Сергею Кулику требовалось забрать результаты из лаборатории на первом этаже, но он не знал, можно ли войти с костылём через главный вход.

— Уже получается не автобус, а маленькая экспедиция, — сказала Лида.

— Нет. Получаются люди. Ведомость просто этого не показывает.

Вера сделала две копии списка через старую копирку, которую забрала из закрытой регистратуры. Один лист положила в прозрачную папку для водителя, второй — себе, третий завернула в пакет. На своём экземпляре добавила три графы: «пришёл», «сел», «доставлен». Последнюю она пока не знала, как проверить.

Ночью ветер стих. Из-за тишины Вера проснулась раньше будильника и долго лежала, слыша, как в трубе осыпается сажа. В доме было холодно. Она натянула свитер, растопила плиту и увидела на телефоне сообщение от областной клиники: просили прислать копии документов до конца месяца. До отъезда оставалось сто двадцать дней.

Вера открыла шкаф, где висели два рабочих халата. Один предстояло вернуть районной поликлинике, второй был её собственный. Она провела пальцем по рукаву и закрыла дверцу. Сегодня халат не требовался. Она надела тёмное пальто, взяла папку и термос с несладким чаем.

У администрации горел один фонарь. Свет падал на ступеньки и заканчивался перед остановочным павильоном. Дальше улица была серой, море — чёрным. На скамье уже сидела Тамара Ильинична, закутанная в Лидино одеяло. Рядом стояла её соседка с велосипедом.

— Я её довела, — сказала соседка. — Дальше не могу, мне на рыбный цех к восьми.

— Спасибо, — ответила Вера.

— Обратно кто?

— Автобус вернёт сюда.

— А отсюда до дома?

Вера посмотрела на Тамару Ильиничну. Та отвела глаза к морю.

— Вечером договоримся, кто встретит, — сказала Лида, подходя с фонарём.

— Не вечером, — поправила Вера. — До отъезда.

Соседка уже ставила ногу на педаль.

— Я после четырёх смогу, если не задержат.

— Запишем ваш номер, — сказала Вера. — Если автобус придёт раньше, позвоним другому человеку.

— Я не беспомощная, — сказала Тамара Ильинична.

— Поэтому спрашиваем вас. Кто ещё может встретить?

— Внучатый племянник. Только он после моря спит.

— Сегодня разбудят, — сказала соседка и уехала.

К семи десяти пришли восемь человек. Николай Горин нёс две папки и маленький рюкзак, его жена — банку в шерстяном носке, чтобы не остыла еда. Марья Степановна принесла складной табурет. Сергей Кулик появился на старых костылях с гладкими от ладоней ручками. За ним шёл Аркадий.

— Ты почему один? — спросила Вера.

— А с кем я должен?

— В списке тебе подвоз не нужен. Значит, дошёл сам. Я отмечу.

— Отмечай хоть цвет шапки.

Он встал у края павильона, не здороваясь с остальными. Вера отметила девять пришедших: одна женщина позвонила ночью и отказалась от поездки из-за температуры. Ей вызвали дежурного фельдшера. С женой Николая получалось десять пассажиров.

В семь пятнадцать подъехала социальная машина. Правое зеркало на ней блестело новым чёрным пластиком. Водитель вышел, открыл боковую дверь и назвал два адреса, которые должен был собрать. Одного человека в списке Веры не было.

— Кого вы везёте? — спросила она.

— Дементьеву с Рыбной и Горина отсюда.

— Горин уже здесь.

— Не этот. Фёдор Матвеевич.

— Он не на дневной стационар. У него обследование в четверг.

Водитель пожал плечами.

— Мне диспетчер дала.

— Сегодня понедельник.

— Я календарь вижу.

— Тогда вы привезёте его к автобусу, который идёт на чужие назначения.

— Моё дело привезти.

Вера показала ему список. Водитель даже не взял лист.

— Со мной разбирайтесь после рейса. Люди ждут.

Он сел в машину и уехал на Рыбную. Новое зеркало отразило фонарь, потом пропало за поворотом.

— Видишь, починили, — сказала Лида.

— Зеркало починили. Список нет.

В семь двадцать пять автобус не пришёл. Вера позвонила по номеру диспетчера, указанному в письме. Ответила женщина и сразу попросила подождать. На линии заиграла песня без слов.

В семь тридцать люди поднялись со скамьи, хотя автобуса всё ещё не было. Так действовало назначенное время: даже пустая дорога заставляла приготовиться.

— Может, у старой почты ждёт? — спросила Марья Степановна.

— Место посадки здесь, — сказала Вера.

— В бумаге здесь, а водитель мог по привычке туда.

Лида побежала к перекрёстку, откуда была видна старая почта. Вернулась через три минуты.

— Никого.

Диспетчер ответила в семь тридцать шесть.

— Машина вышла с базы, — сообщила она.

— Во сколько?

— По графику.

— Назовите время выхода.

— У меня отмечено выполнение рейса с семи ноль-ноль.

— Он должен быть в Белой Пристани в семь тридцать. Его нет.

— Возможно, дорожная обстановка.

Вера посмотрела на сухой асфальт. За ночь даже не подморозило.

— Свяжитесь с водителем.

— Водителю нельзя отвечать во время движения.

— Свяжитесь с базой.

— Я передам обращение.

— Когда вы сообщите ответ?

— В рабочее время.

— Оно уже началось?

Женщина вздохнула.

— С восьми.

Вера записала время разговора и дословно — «рейс отмечен выполнением с семи ноль-ноль». Потом позвонила Галине Петровне. Телефон был выключен. В приёмной районной поликлиники ещё никто не отвечал.

В семь сорок социальная машина вернулась с Дементьевой и Фёдором Гориним. В салоне пахло бензином и мокрой шерстью. Дементьева тяжело спустилась на землю и спросила, где автобус.

— Вы пока садитесь в павильон, — сказала Вера.

— Мне сказали, сразу пересаживаем.

— Нам тоже.

Фёдор Горин держал талон на четверг. Он был уверен, что его вызвали сегодня, и отказывался ехать домой.

— Раз привезли, значит, знают, — повторял он.

Николай показал брату дату на талоне. Фёдор надел очки, прочитал и сел рядом с Тамарой Ильиничной.

— Я корову не подоил, — сказал он.

Социальный водитель посмотрел на часы.

— Мне пора в Приозёрное.

— Заберите его обратно, — попросила Вера.

— У меня другой маршрут.

— Вы привезли человека не в тот день.

— Не я список делал.

— Но увезти можете.

— После Приозёрного, если диспетчер даст.

Он закрыл дверь. Вера встала перед машиной, не касаясь капота.

— Позвоните диспетчеру сейчас.

— Отойдите.

— Позвоните. Фёдор Матвеевич останется здесь без причины, а вы потом снова поедете за ним через два часа.

Водитель посмотрел на людей у павильона. Десять лиц смотрели в ответ. Он заглушил двигатель и набрал номер. Разговор занял меньше минуты. Фёдора разрешили отвезти домой по пути к выезду из посёлка.

— В следующий раз сами проверяйте, — сказал водитель Вере.

— Чей список?

— Свой.

— У меня Фёдора нет.

Он ничего не ответил.

В семь пятьдесят на дороге показались фары. Люди снова встали. Из-за поворота вышел мусоровоз, медленно проехал мимо и оставил после себя запах влажного картона.

Лида налила Тамаре чай. Жена Николая достала банку из шерстяного носка, но муж попросил не открывать: он всё ещё верил, что автобус появится через минуту. Сергей Кулик перенёс вес с одного костыля на другой.

— Тебе больно? — спросила Вера.

— Стоять больно. Сидеть потом будет больно вставать.

— В администрации есть стулья.

Дверь здания была закрыта. На табличке значилось, что приём начинается в восемь тридцать. Лида постучала. В окне мелькнула уборщица, но не открыла.

— Там люди мёрзнут! — крикнула Лида через стекло.

Уборщица показала на часы.

Вера подошла к служебной двери и набрала номер главы поселения. Он ответил сонно, выслушал и сказал, что ключ у дежурного.

— Дежурная внутри и не открывает.

— Наверное, моет пол.

— Попросите открыть зал на полчаса.

— Автобус вот-вот должен прийти.

— Его нет уже двадцать пять минут.

— Сейчас позвоню.

Через две минуты дверь открылась. Уборщица поставила поперёк мокрого пола жёлтую табличку и велела всем вытереть ноги. Люди вошли в маленький зал с пластиковыми стульями. Вера осталась снаружи, чтобы не пропустить автобус. Лида вышла к ней.

— Я побуду.

— Иди грейся.

— Вера, ты тоже человек.

— Я в тёплых сапогах.

Лида постояла рядом, засунув руки в рукава.

— Он придёт?

— Не знаю.

— Что будем делать, если нет?

— Не «мы». Район должен перенести назначения и решить транспорт.

— А людям кто скажет?

Вера посмотрела на окна администрации. За стеклом Тамара Ильинична снимала одеяло, Сергей пытался устроить костыли так, чтобы они не упали, Аркадий ходил вдоль стены и заглядывал на дорогу.

— Я скажу то, что узнаю. Но другой автобус искать не буду. У нас нет права везти людей на чём попало и обещать приём без согласования.

В восемь часов открылась районная поликлиника. Регистратор подтвердила, что девять пациентов стоят в расписании. На вопрос об опоздании транспорта она ответить не могла. В транспортном отделе трубку взяли в восемь двенадцать.

— Автобус номер семнадцать, — сказал мужчина. — Сейчас уточню.

Вера слышала, как он стучит по клавиатуре.

— У меня рейс выполняется.

— Где он?

— На линии.

— Назовите место.

— Я не вижу геолокацию.

— Тогда откуда знаете, что выполняется?

— Статус такой.

— Позвоните на базу.

— Девушка, вы кто?

— Медсестра Нечаева, Белая Пристань. У меня у администрации девять пациентов, двое с трудностями передвижения. Автобуса нет сорок две минуты.

— Ждите, выясним.

— Сколько?

— перезвоните через пятнадцать минут.

Она перезвонила через пятнадцать. Мужчина сообщил, что автобус сломался в семи километрах от базы, ещё до поворота на Белую Пристань. Водитель вызвал механика. Замену ищут.

— Когда он сломался?

— Около семи двадцати.

— Почему в семь тридцать шесть диспетчер сказала, что рейс выполняется?

— Потому что машина вышла на линию.

— Она не доехала до первого пассажира.

— Но с линии не снята.

Вера записала эти слова.

— Замена будет?

- Свободных машин пока нет.
- Люди записаны на девять и девять тридцать.
- Поликлинику предупредим.
- Предупредите сейчас и назовите, кто переносит назначения.
- Это не наш отдел.
- Дайте номер того отдела, чей.

Мужчина продиктовал номер. Вера повторила его вслух и попросила назвать фамилию. Он назвал неохотно.

К половине девятого стало ясно, что утренние назначения сорваны. Галина Петровна наконец включила телефон и сказала, что врачебные часы перенесут, но свободные места есть только на среду и пятницу. Тамара Ильинична молча стала складывать одеяло. Марья Степановна убрала табурет. Жена Николая открыла банку: внутри была гречневая каша с котлетой. Они разделили её пластиковой ложкой прямо в приёмной администрации.

Аркадий подошёл к Вере.

- Вези нас сама.
- На чём?
- У Лиды микроавтобус.

У Лиды был старый восьмиместный фургон, которым летом возили бельё и продукты для гостевого дома.

- Он не пассажирский.
- Сиденья поставим.
- Нет.
- До района сорок минут.
- Нет.
- Значит, твои бумажки важнее людей?

Вера почувствовала, как лица в комнате поворачиваются к ним. Дядя выбрал самый удобный вопрос: такой, где осторожность похожа на равнодушие, а согласие — на смелость.

— Люди важнее, — сказала она. — Поэтому я не посажу их на табуретки в грузовой фургон без ремней. И не повезу к врачам, которые уже принимают других.

- Раньше на рыбалку в кузове ездили.
- Раньше ты был моложе и выбирал сам. Здесь я отвечаю только за то, что делаю я.
- Вот и ответ. Организуй.
- Нет. Организовать безопасный транспорт обязан район.

Аркадий усмехнулся.

— Уезжать ты быстро организовала.

Лида шагнула к нему, но Вера подняла ладонь.

— Мой билет не чинит автобус и не ломает его. Не пользуйся этим разговором, чтобы заставить меня сделать опасную вещь.

Дядя взял трость и вышел. Дверь захлопнулась, жёлтая табличка на мокром полу качнулась и упала.

Никто не поддержал его вслух. Но Вера понимала: нескольким людям тоже хотелось, чтобы она нашла машину, позвонила знакомому, посадила всех и решила. Если бы фургон доехал благополучно, её поблагодарили бы. Если бы не доехал, виноватой осталась бы она. Между благодарностью и виной помещалась одна и та же привычка — назначить ответственного без его согласия.

Она попросила всех не расходиться ещё пять минут и позвонила в поликлинику при них. По громкой связи регистратор назвала новые дни и часы. Тамару и супругов Гориных поставили на среду, Сергея — на пятницу, остальных распределили между двумя днями. Аркадию сохранили его прежнюю среду.

— А автобус? — спросила Тамара Ильинична.

— Транспортный отдел обещает ремонт или замену, — сказала Вера. — Это обещание я записала, но подтвердить не могу. В среду снова проверим по факту.

— Опять к семи?

— Да.

— Соседка меня второй раз не повезёт.

— Сегодня до вечера выясним подвоз. Не я одна. Администрация и социальная служба.

Вера повернулась к секретарю, которая успела занять стол за стеклянной перегородкой и делала вид, что разговор её не касается.

— Нам нужен человек от администрации, который сейчас запишет адреса для подвоза и выдаст номер для подтверждения вечером.

— Это не наша служба, — ответила секретарь.

— Но посадка назначена у вашего здания, зал вы открываете только в восемь тридцать, а люди приезжают к семи десяти. Кто согласовал место?

— Район.

— Тогда дайте фамилию сотрудника, который согласовал с вами доступ.

Секретарь посмотрела на закрытую дверь кабинета главы. Потом сняла трубку. Через несколько минут вышел сам глава поселения, в рубашке без пиджака, и пообещал, что в дни рейсов дежурный будет открывать зал в семь. Он также поручил секретарю собрать адреса и до четырёх связаться с социальной службой.

Вера записала его обещание и время.

— Вы теперь всё записываете? — спросил он.

— То, что касается поездок.

— Недоверие тоже должно иметь предел.

— Он будет там, где автобус.

Лида кашлянула, пряча улыбку.

К девяти люди разошлись. Социальная машина забрала Дементьеву. Тамару отвёз глава поселения: ему всё равно нужно было на рыбный цех, а её дом стоял по дороге. Сергей отказался от помощи и медленно пошёл по Причальной, ставя костыли на сухие пятна. Вера проводила его до поворота.

На пустой остановке остались две смятые бумажные чашки и след от Лидиногo фонаря на запотевшем стекле. Автобус так и не появился.

— Пойдём ко мне, — сказала Лида. — Там кофе.

— Мне нужно в амбулаторию.

— Она закрыта.

— Регистратура открыта. Заберу журнал звонков.

— Ты думаешь, бумага их напугает?

— Нет.

— Тогда зачем?

Вера подняла с земли чашки.

— Чтобы через неделю никто не сказал, что автобус опоздал на десять минут и все доехали.

В амбулатории Таня разбирала коробки. Общая комната казалась чужой: настенные часы висели над шкафом, но не шли. Их так и не включили после закрытия пристройки.

— Съездили? — спросила Таня.

— Нет.

— Совсем?

— Автобус сломался у базы.

— А я Галине Петровне звонила, она сказала, рейс выполнен.

Вера остановилась.

— Когда сказала?

— Минут десять назад. Ей ведомость пришла, она обрадовалась, что хоть это наладили. Вера достала телефон и набрала заведующую.

— Мне пришёл автоматический отчёт, — объяснила Галина Петровна. — Там стоит выход на линию в семь и завершение рейса по плану в четырнадцать тридцать.

— Сейчас девять двадцать.

— Завершение ожидаемое. Система его заранее показывает.

— А пассажиры?

— Есть графа «десять мест подтверждено».

— Мест или людей?

— Написано «пассажиров — десять».

Вера посмотрела на свой лист. В графе «пришёл» было девять отметок у назначенных пациентов и одна — у сопровождающей. В графе «сел» не было ни одной.

— Пришлите мне отчёт.

— Он служебный.

— Тогда прочитайте номер рейса и время посадки.

Галина Петровна прочитала. Посадка значилась в семь тридцать две. Отправление — в семь тридцать пять. Десять пассажиров. Опозданий нет.

— В семь тридцать две мы стояли у пустой дороги, — сказала Вера. — В семь тридцать шесть диспетчер сказала, что машина вышла. В восемь двадцать семь подтвердили поломку в семи километрах от базы.

— Я понимаю.

— Нет, пока система не понимает. Перешлите Серову мой список и журнал звонков.

— Сама отправь.

— Отправлю. Но вы как заведующая должны написать, что пациенты не прибыли и назначения перенесены.

— Напишу.

— Сегодня?

— Сегодня, Вера.

Она услышала раздражение и усталость, но ещё — согласие. Этого было достаточно.

Вера села за стол регистратора. На чистом листе написала дату и номер рейса. Ниже перечислила десять людей, которые находились у администрации, отдельно отметила Фёдора Горина, ошибочно доставленного социальной машиной, и женщину, отказавшуюся ночью из-за температуры. Записала все звонки с минутами и фамилиями. В конце вывела: «Фактически в автобус не сел ни один человек. В районную поликлинику этим рейсом не доставлен ни один человек».

Таня читала через плечо.

— Может, не надо так резко?

— Где резко?

— «Ни один» два раза.

— Потому что в отчёте десять.

— Серов решит, что мы скандалим.

— Пусть решит, что считает.

Вера сфотографировала лист, отправила в приёмную района и Галине Петровне, а оригинал положила в синюю папку. Через двадцать минут пришло короткое письмо от помощницы Серова: «Информация принята. Запрошены объяснения перевозчика. Рейс в среду подтверждён».

Не извинение. Не признание ошибки. Только новое обещание.

Вера распечатала письмо и прикрепила к журналу.

В половине одиннадцатого в амбулаторию вошёл Аркадий. Он поставил трость у двери и положил на стол её термос, забытый в администрации.

— Лида передала.

— Спасибо.

— Значит, в среду опять?

— Твоё назначение в среду. Время то же.

— А если опять не придёт?

— Запишем, перенесём приём, потребуем исправный транспорт.

— И так до весны?

Вера закрыла папку.

— Нет. До решения, которое работает.

— Ты могла бы позвонить кому-нибудь по-человечески, без своих требований.

— Я звонила по-человечески. Автобус от этого не завёлся.

— Раньше ты умела договариваться.

— Раньше я часто делала чужую работу, чтобы не спорить.

Аркадий посмотрел на опечатанную дверь. В коридоре пахло картоном и пылью из перенесённых шкафов.

— Твоя мать не оставила бы людей на остановке.

Вера почувствовала, как внутри поднимается готовый ответ — острый, давно ожидавший своего часа. Но сказала только:

— Мама не водила автобус.

Дядя взял трость.

— Вот уедешь и будешь всем объяснять, чего ты не водишь.

— Возможно.

Он ушёл, не попрощавшись.

После обеда Вера получила копию объяснения перевозчика. Автобус вышел с базы по расписанию, остановился из-за повреждения ремня привода, пассажиров не принял, замену предоставить не удалось. Внизу стояла строка: «Рейс считать сорванным по технической причине».

Она прочитала её три раза. Слово «выполнен» исчезло только после того, как рядом появился список людей. До этого машина могла сломаться у ворот базы, а десять пассажиров — доехать в отчёте до района и обратно.

Вера сделала ещё одну копию и вечером пошла к магазину, где на стене под навесом висела доска объявлений. Она не собиралась вывешивать служебную бумагу или фамилии пациентов. На простом листе написала крупно:

«Рейс 18 ноября не состоялся. Автобус сломался до прибытия в Белую Пристань. Никто из ожидавших не был доставлен. Следующий рейс обещан 20 ноября. Проверяем по людям, а не по ведомости».

Пока она прикалывала лист, из магазина вышла Лида с пакетом хлеба.

— Дай прочитаю.

Вера отступила.

— Фамилий нет, — сказала Лида.

— И не будет.

— Можно я сфотографирую?

— Для чего?

— Отправлю в нашу группу.

— Только этот лист. Без списка и без разговоров о диагнозах.

Лида сфотографировала объявление. Через минуту её телефон начал коротко звенеть.

— Уже спрашивают, где сообщать про прошлые отмены.

— Про какие прошлые?

— Рейсовые. Социальные. Кого зимой не забрали. У Куликов в прошлом году три случая.

— Нам нужны только поездки после закрытия стационара.

— Почему только они? Дорога та же.

Вера посмотрела на лист. Она хотела проверить один специальный автобус, одно обещание района и девять назначений. Но для улицы пустое место на дороге не делилось на ведомства. Если машина не приходила, человек оставался там же — возле администрации, у закрытой двери, с папкой на коленях.

— Потому что иначе мы утонем в рассказах, которые нельзя проверить, — сказала она. — Записывать будем дату, маршрут, кто обещал, кто ждал и чем закончилось. Без диагнозов. И отдельно — старые случаи, отдельно нынешние.

Лида улыбнулась.

— «Будем»?

Вера сразу услышала собственную ошибку.

— Ты можешь собирать сообщения. Я дам форму. Но проверять каждую историю должна не одна я.

— Кто ещё?

— Пока не знаю.

— Тогда начнём с меня.

— Начнём с правил.

Лида сунула телефон в карман.

— Ты даже бунт умеешь превратить в тетрадь.

— Это не бунт.

— А что?

Вера поправила кнопку так, чтобы ветер не завернул угол листа.

— Исправление счёта.

Они пошли по Причальной. Окна домов зажигались по одному. У закрытой мастерской ветер шевелил оторванный водосток, и металл бился о стену с ровным промежутком, будто кто-то отмечал время.

У калитки Веры стояла банка брусничного варенья. Записки не было. Она занесла банку в дом, поставила рядом с термосом и открыла синюю папку.

Под билетом лежала копия утреннего списка. В графе «пришёл» — десять отметок. В графе «сел» — пусто. В графе «доставлен» — пусто.

Вера провела под ними черту и написала: «Рейс сорван. В первоначальной ведомости значился выполненным».

Потом достала новую общую тетрадь, на обложке которой ещё не было названия. На первой странице она вывела три вопроса:

Кто должен был приехать.

Кто действительно приехал.

Кто добрался туда, куда его обещали доставить.

За окном по пустой улице прошёл последний рейсовый автобус. Он не остановился у администрации: вечерняя остановка была на другой стороне площади. В освещённых окнах сидели три человека.

Вера дождалась, пока красные огни исчезнут за поворотом, и закрыла тетрадь.

Глава 3. Подпись медсестры

Во вторник в девять утра факс выплюнул четыре страницы и зажевал пятую.

Таня потянула бумагу на себя, аппарат затрещал, и Вера успела перехватить её руку.

— Не тяни. Порвётся внутри.

— Он уже порвался внутри. Как и всё у нас.

Вера открыла крышку, высвободила тонкий лист и разгладила его на столе. Внизу проступила половина строки: «Ответственное лицо медицинской организации». Ниже оставалось место для подписи.

Первые четыре страницы назывались актом оказанных транспортных услуг. За понедельник перевозчик предъявлял району один рейс из Белой Пристани, сорванный по технической причине. Нулевая стоимость стояла только напротив километров после поломки. Подача машины, выход водителя на линию и ожидание механика были отмечены как выполненная работа.

На последнем листе перечислялись десять пассажиров. Не по фамилиям — цифрой. Напротив стояло: «не доставлены в связи с технической неисправностью». Подтвердить это должен был представитель поликлиники. В поле уже напечатали: «Нечаева В. А., медицинская сестра, Белопристанский кабинет».

— Кабинета больше нет, — сказала Таня.

— Дневного стационара нет. Амбулатория есть.

— Я про то, что они тебя уже куда-то назначили.

Вера посмотрела номер исходящего документа. Его отправил транспортный отдел района в восемь сорок семь, вместе с коротким требованием вернуть подписанный лист до двенадцати.

— Позвони Галине Петровне, — сказала Таня. — Может, просто расписаться надо, что не доехали.

— Я это уже написала вчера.

— Ну и подпиши второй раз.

— Под чем?

Таня пожала плечами.

— Под правдой.

Вера снова прочитала весь акт. Правда была распределена по нему мелкими частями. Автобус действительно вышел с базы. Действительно сломался. Десять человек действительно не были доставлены. Но Вера не видела автобус, не проверяла поломку, не знала, когда приехал механик, и не могла подтвердить объём работы перевозчика. Её подпись под последним листом соединяла всё перечисленное в один документ.

Она набрала номер исполнителя.

— Вам нужно подтвердить только количество пассажиров, — объяснила женщина из транспортного отдела.

— Тогда пришлите отдельный лист с количеством людей, которые ожидали в Белой Пристани.

— Форма утверждена.

— Кем?

— Контрактом.

— Я сторона этого контракта?

— Вы ответственное лицо на месте.

— Кто меня назначил?

Женщина помолчала.

— Поликлиника дала ваш контакт.

- Контакт и назначение — разные вещи.
- Вера Андреевна, нам до двенадцати закрыть рейс.
- Закройте его на основании объяснения водителя и моего вчерашнего сообщения.
- Сообщение не по форме.
- В сообщении есть фамилии ожидавших и время звонков.
- Нам фамилии не нужны.
- Тогда откуда у вас десять?
- Из заявки.
- В заявке было девять пациентов, одна сопровождающая и Аркадий Нечаев без назначения. Один пациент отказался ночью. Социальная машина привезла другого человека по ошибке. Кого именно вы считаете десятью пассажирами?

На линии стало слышно чужие голоса и звон посуды. Женщина прикрыла трубку, потом вернулась.

- У нас заявлено десять мест.
- В акте написано «пассажиров».
- Для расчёта это одно и то же.
- Для меня нет.
- Вы отказываетесь подписывать?

Вера посмотрела на пустую строку.

— Я отказываюсь подтверждать то, чего не проверяла. Количество ожидавших подтверждаю отдельно.

- Тогда напишите отказ.
- Пришлите адрес и имя получателя.
- На факсе всё есть.

Женщина положила трубку.

Таня сидела на коробке с перевязочными материалами и крутила в руках моток скотча.

- Ты теперь до марта только отказы писать будешь?
- Если до марта будут присылать чужие акты.
- Они же исправили вчера, как ты хотела.
- Исправили слово. Теперь хотят мою подпись под своими расходами.
- Может, им без неё автобус в среду не дадут.

Эта мысль уже пришла Вере. Потому и форма лежала перед ней, потому и срок был до двенадцати. Не подписать означало рискнуть следующим рейсом. Подписать — стать удобным последним звеном в бумаге, которую она не составляла.

— Узнаем, — сказала она.

Галина Петровна ответила сразу, словно ждала звонка.

- Подпиши с замечанием: «пассажиры не перевезены», — предложила она.
- Замечание на каком листе?
- На последнем.

— А первые четыре останутся частью акта.

- Вера, от тебя не требуют проверять ремонт автобуса.
- Тогда почему моя подпись подтверждает акт целиком?
- Потому что у них такая форма.

— Назначьте ответственным сотрудника, который видит машину на базе и документы перевозчика. Я подтверждаю список людей на остановке.

- У нас нет сотрудника в Белой Пристани, кроме тебя.
- Я вижу остановку. Базу не вижу.

Галина Петровна выдохнула в трубку.

— Если мы сегодня не закроем понедельник, они могут задержать среду.

- Кто сказал?
- Никто. Но могут.
- Значит, подпись нужна не для автобуса, а чтобы всем было спокойнее.
- Иногда работа и состоит в том, чтобы документ прошёл.
- А если он неправильный?
- Напиши замечание.
- Я напишу отдельное подтверждение. С фамилиями тех, кто реально ждал.
- Без диагнозов.
- Разумеется.
- И не рассылай по всему району.
- Только исполнителю, вам и Серову.

Галина Петровна замолчала. Потом сказала:

— Павла Михайловича не надо ставить в копию каждого раза, когда у нас факс зажевал бумагу.

- Факс тут ни при чём.
- Вот именно. Решите на рабочем уровне.

Вера положила трубку и почувствовала себя не правой, а неудобной. Это чувство было знакомее вины. Неудобным человеком становишься раньше, чем выясняется, был ли ты прав: достаточно задержать чужое движение.

Она достала из синей папки вчерашний список. В нём уже были фамилии, часы и пустые графы. Но за ночь документ перестал быть только её памятью. Теперь по нему предстояло спорить о количестве людей.

Первой Вера позвонила женщине, которая отказалась от поездки из-за температуры. Дежурный фельдшер осмотрел её дома и передал врачу данные; на новый рейс её пока не ставили. Вера спросила разрешение указать в служебном подтверждении только фамилию и факт отказа до подачи транспорта.

- А что, меня туда записали? — испугалась женщина.
- В первоначальной заявке вы были. Я уточняю, что утром вас не ждали.
- Пенсию не снимают?
- Это не связано с пенсией.
- Сейчас всё связано.

Вера объяснила ещё раз. Получив согласие, отметила время разговора.

Потом позвонила Николаю Горину. Он подтвердил, что пришёл с женой. Тамара Ильична ответила, что ждать начала без пяти семь, потому что соседка торопилась на смену. Сергей Кулик сказал: «Стоял, пока нога не одеревенела», — и попросил именно так написать. Вера записала нейтральнее: ожидал с семи двенадцати до восьми сорока семи, автобус не прибыл.

Аркадий не отвечал.

Она набрала снова через десять минут. Потом ещё раз. Наконец дядя поднял трубку.

— Чего?

— Подтверждаю список вчерашних ожидавших. Ты был у администрации с семи двенадцати до восьми тридцати?

- Ты меня видела.
- Мне нужно твоё подтверждение.
- А если не дам?
- Напишу, что видела лично, но связаться не удалось.
- Тогда зачем звонишь?
- Чтобы ты знал, где будет твоё имя.
- Везде пиши. Может, хоть так от меня польза.
- Аркадий, ты подтверждаешь?

- Подтверждаю. Автобуса не было. Медсестра другой транспорт искать отказалась.
- Второе к подтверждению явки не относится.
- Потому что тебе не нравится?
- Потому что я не составляю отзыв о себе. Если хочешь подать жалобу, продикуйте

адрес.

Он рассмеялся коротко и зло.

— Ты мать так же по адресам отправляла?

Вера положила трубку раньше, чем успела ответить.

В общей комнате Таня включила настенные часы. Стрелки показывали двенадцать семь.

Она крутила колёсико сзади, сверяясь с телефоном.

— Зачем ты их вешаешь? — спросила Вера.

— Люди всё равно сюда приходят.

— Процедур не будет.

— Я знаю. Но они приходят спросить. В коридоре без часов как на вокзале ночью.

Таня поставила правильное время. Секундная стрелка дёрнулась и пошла.

— А меня, может, в район переведут, — сказала она. — Галина Петровна обещала две смены уборки и одну в архиве.

— Тебе подходит?

— Доехать бы.

Они обе посмотрели на факс.

— Подписала бы ты им, — тихо сказала Таня. — Не потому что они правы. Потому что мне тоже на этот автобус садиться.

Вера села напротив.

— Если я подпишу акт, автобус станет исправным?

— Нет.

— Если не подпишу, они имеют право отменить следующий рейс?

— Не знаю.

— Я тоже. Поэтому сейчас спрошу письменно.

— Пока спросишь, день пройдёт.

— До среды пройдёт в любом случае.

Таня приклеила коробку скотчем.

— Тебе легко. У тебя областной город.

Слова легли между ними тяжело и просто. Не обвинение, не зависть — вывод. У Веры был другой автобус, который она могла ждать, и другая работа, ради которой стоило собирать документы. Таня оставалась в посёлке, где любой спор с транспортным отделом мог отнять её будущие смены.

— Мне не легко, — сказала Вера.

— Но выход у тебя есть.

— Есть.

Она не стала притворяться, будто билет ничего не меняет.

— Поэтому я не должна подписывать всё подряд вместо тех, кто останется после меня.

Когда уеду, кого впишут следующим? Тебя?

Таня посмотрела на строку с фамилией.

— Меня не впишут. Я санитарка.

— Впишут того, кто окажется рядом и побоится задержать автобус.

— А если из-за тебя его правда задержат?

— Тогда это тоже надо записать: транспорт отменили, потому что медсестра не подтвердила ремонт машины, которой не видела.

Таня покачала головой.

- С тобой тяжело жить.
- Знаю.
- Нет, ты радуешься, что знаешь.

Вера хотела возразить, но не смогла. Иногда признание собственной неудобности и правда служило ей бронёй. Если заранее назвать себя тяжёлой, чужое раздражение будто теряло силу. Только людям рядом от этого легче не становилось.

- Не радуюсь, — сказала она. — Боюсь уступить не в том месте.
- Таня заклеила последнюю коробку и подписала её: «Архив. Не мочить».
- Тогда выясни место точно.

Вера составила письмо. Без обвинений и вопросов о контракте. Написала, что подтверждает присутствие у места посадки восьми пациентов с назначениями, одного пациента без назначения и одной сопровождающей. Ещё одна пациентка из исходной заявки отказалась до начала рейса. Автобус в Белую Пристань не прибыл, посадка не производилась. Подтвердить выход машины с базы, техническую неисправность, работу механика и объём оказанных услуг Вера не может, поскольку не присутствовала при этих событиях и не уполномочена поликлиникой принимать услуги перевозчика. Просила сообщить, повлияет ли отказ от подписи под общим актом на подачу транспорта в среду и на каком основании.

- Она перечитала текст вслух Тане.
- Про меня ничего нет, — сказала та.
- А должно?
- Нет. Просто кажется, будто люди опять превратились в восемь, один и одну.

Вера посмотрела на письмо. Таня была права. Цифры требовались для точности, но именно цифры позволили вчера нарисовать десять перевезённых пассажиров.

Она добавила приложение с именами и временем ожидания. Перед каждой фамилией позвонила ещё раз или сверила личное подтверждение. Указала, что приложение содержит персональные данные и не предназначено для открытого распространения. Письмо отправила исполнителю, Галине Петровне и в приёмную Серова.

В одиннадцать сорок восемь факс ожил снова. Пришёл тот же последний лист, но фамилию Веры убрали. В строке оставили: «Представитель заказчика». Рядом от руки было написано: «Просим срочно».

- Они настойчивые, — сказала Таня.
- Они спешат.
- Разница?
- Настойчивый человек хочет именно твоего решения. Спешащему нужна любая подпись.

В двенадцать ноль пять позвонил Павел Серов.

- Вера Андреевна, вы сейчас в амбулатории?
- Да.
- Получили исправленный лист?
- Если убрать мою фамилию, содержание не изменится.
- Согласен. Подписывать акт вам не нужно.

Вера не ожидала, что спор закончится этой фразой, и поэтому не сразу ответила.

- Средний рейс будет?
- Среда — завтра. Будет резервная машина. Ваш отказ на подачу транспорта не влияет.
- Это можно получить письменно?
- Уже отправляют.
- Кто подпишет акт понедельника?
- Сотрудник контрактной службы после сверки документов перевозчика. Ваше приложение пойдёт как подтверждение отсутствия посадки.

— Почему сразу не так?

Серов помолчал.

— Потому что в прежней схеме на местах подписывали старшие фельдшеры. Бело-пристанский дневной стационар включили в неё автоматически. После закрытия помещения фамилию взяли из контактного листа.

— Контактный лист — не приказ.

— Теперь это выяснили.

Он не оправдывался и не извинялся. В его голосе звучала та же ровность, с которой он закрывал опасную пристройку. Ошибка для него была неправильно поставленной деталью, которую следовало переставить. Вера злилась на отсутствие стыда и одновременно понимала: именно такой человек способен исправить бумагу, не превращая исправление в личное поражение.

— В приложении одиннадцать фамилий с разными основаниями, — сказала она. — Восемь назначенных, Аркадий без назначения, сопровождающая, отказавшаяся пациентка. Ещё Фёдор Горин, которого социальная машина привезла ошибочно.

— Видел.

— Значит, цифра десять в акте ничего не объясняет.

— Для расчёта вместимости объясняет.

— Но не для результата.

— Для результата будет ваш список.

— Каждый рейс?

— Пока не наладим сверку.

— Кто будет вести?

— Вы предложили форму. Готовы вести?

Вопрос был поставлен аккуратно, но Вера узнала движение: её возражение возвращали ей как постоянную обязанность.

— Нет, — сказала она. — Я готова завтра отметить тех, кого знаю как пациентов амбулатории. Дальше нужен порядок, который не зависит от моей фамилии.

— Почему?

— Потому что я уеду восемнадцатого марта. И потому что посадка происходит у администрации, социальный подвоз ведёт другая служба, а расписание хранит поликлиника. Один человек не видит всё.

Серов не спросил, куда она уезжает. Только сказал:

— До марта четыре месяца.

— Именно. Достаточно, чтобы сделать нормально.

— Хорошо. Подготовьте свою форму без персональных медицинских сведений. Завтра проверим на втором рейсе.

— Я не говорила, что буду разрабатывать районную форму.

— Вы уже её разработали: пришёл, сел, доставлен.

Вера посмотрела на вчерашний лист.

— Это три слова в моей тетради.

— Иногда трёх слов хватает.

— Тогда перепишите их сами.

На этот раз в его голосе мелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Перепишем. К вечеру пришлю проект.

После разговора Вера получила письмо: «Неподписание В. А. Нечаевой акта транспортных услуг за 18 ноября не является основанием для отмены последующих рейсов». Ниже стояла электронная подпись Серова.

Таня прочитала и кивнула.

— Значит, можно было не подписывать.

— Можно.

— А если бы ты не спросила?

— Тогда мы бы не знали.

— Нет. Тогда я бы подписала.

Вера сложила письмо пополам.

— Ты не обязана.

— Когда автобус нужен, быстро становишься обязанной.

Эту фразу Вера записала на отдельном листке, не для отчёта.

После обеда пришла Лида с новой тетрадью в клетку. На обложке она наклеила белую полоску и написала: «Поездки Причальной».

— Я уже собрала семь сообщений, — сказала она.

— За какой период?

— С января прошлого года.

— Мы договорились разделить старые и новые.

— Разделила закладкой.

Лида открыла тетрадь. На первой странице стояли фамилии, даты и длинные рассказы: кого не взяли с мешком, кому водитель не открыл дверь, кто опоздал из-за того, что остановку перенесли. В одном месте был указан диагноз.

Вера закрыла тетрадь.

— Диагнозы убери.

— Человек сам сказал.

— Сказать соседке и разрешить хранить в общем журнале — не одно и то же.

— Тогда без диагноза непонятно, почему ему трудно стоять.

— Пиши: трудно долго стоять, нужна скамья. Этого достаточно для организации поездки.

— Ты хочешь из людей сделать сухие строчки.

— Я хочу, чтобы их болезни не читали у магазина.

Лида прижала тетрадь к груди.

— Она будет у меня дома.

— К тебе входят постояльцы, поставщики и половина улицы.

— Сейчас постояльцев нет.

— Летом будут.

— До лета ещё дожить надо.

— Именно поэтому правила нужны сейчас.

Лида села на подоконник.

— Хорошо. Что оставлять?

— Дату поездки, откуда и куда, обещанное время, фактическое время, что произошло, откуда это известно и можно ли связаться с человеком для подтверждения. Никаких диагнозов, лекарств и чужих документов.

— А имена?

— В общей тетради — имя и телефон только с согласия. Для объявления — без имён. Для официального письма — отдельное приложение, если человек согласен.

— Ты уже всё придумала.

— Я сегодня полдня отказывалась подписывать чужую форму.

— Выиграла?

Вера не любила это слово. Оно превращало следующую подачу автобуса в награду, которую кто-то отдал после борьбы.

— Добилась, чтобы каждый подписывал своё.

— То есть выиграла.

— Нет. Завтра всё равно вставать в шесть.

Лида перелистнула несколько страниц назад.

— Я могу вести журнал. Не ты.

— Можешь, если люди понимают, что это не медицинская документация и не обращение от имени поликлиники.

— Напишем на обложке.

— И если ты не будешь обещать, что каждый рассказ обязательно что-то изменит.

— Ты совсем не умеешь собирать людей.

— Возможно.

— Им сначала надо поверить, что есть смысл говорить.

— А потом?

— Потом уже объяснишь правила.

— Нет. Сначала человек должен знать, куда попадут его слова.

Они смотрели друг на друга через стол. Лида умела открывать двери, Вера — замечать, что за ними нет пола. Обе считали вторую половину работы помехой.

— Давай так, — сказала Лида. — Сегодня вечером собираемся у меня. Я объясняю, зачем журнал. Ты объясняешь, что туда нельзя писать. И люди сами решают, оставлять сообщение или нет.

— Какие люди?

— Те, кто уже написал.

— Ты их пригласила?

— Семерых.

— До того, как спросила меня.

— Я не прошу тебя лечить. Полчаса поговорить.

— У меня есть свои дела.

— Какие?

Вера почувствовала мгновенное раздражение. После смерти матери её вечера считались пустыми. Если дома не ждал больной человек, значит, время лежало свободно и любой мог взять кусок.

— Мои, — сказала она.

Лида опустила глаза.

— Хорошо. Тогда я сама.

— Пришли мне фотографию правил перед встречей.

— Это значит, ты всё-таки поможешь?

— Это значит, я посмотрю один лист. На встречу не приду.

Лида ушла с тетрадью. Через десять минут прислала фотографию обложки. Под названием появилась приписка: «Общий немедицинский журнал поездок. Запись добровольная. Диагнозы и назначения не указываются». Ниже было оставлено место для телефона владельца записи.

Вера ответила: «Добавь: публикация только с отдельного согласия».

Лида поставила знак вопроса, потом прислала новую фотографию с добавленной строкой.

В три часа позвонила помощница Серова и попросила Веру приехать в район на рабочую встречу в четверг.

— На чём? — спросила Вера.

Помощница не поняла.

— Простите?

— На каком транспорте мне приехать?

— Рейсовый автобус в десять десять.

— Обратно он в шестнадцать сорок. Встреча сколько длится?

— Около получаса.

— Значит, ради получаса я проведу в дороге и ожидании семь часов.

— Можно подключиться по видеосвязи.

В амбулатории интернет пропадал при сильном ветре, но в четверг обещали тихую погоду.

— Подключусь отсюда.

— Павел Михайлович хотел обсудить сверку пассажиров и возможность месячного наблюдения.

— Пришлите вопросы заранее.

— Хорошо.

— И проект формы, который он обещал.

— Какой формы?

Вера объяснила. Помощница записала.

К вечеру новая форма действительно пришла. Одна страница, три строки на каждого пассажира: заявлен, сел, доставлен. Отдельные подписи ставили представитель поликлиники, водитель и сотрудник регистратуры в районе. Никто не подтверждал чужую часть. Внизу имелось место для причины расхождения.

В графе представителя поликлиники снова напечатали фамилию Веры.

Она позвонила помощнице.

— Я просила порядок, который не зависит от моей фамилии.

— Завтра на месте будете вы.

— Завтра — да. Напишите должность и организацию, а назначение оформите приказом поликлиники на конкретный срок. Когда сотрудник меняется, форма не должна меняться.

— Передам.

Через полчаса пришёл второй вариант: «Сотрудник, сверивший посадку». Фамилию вписывали от руки.

Вера распечатала шесть экземпляров. Один положила водителю, один — Галине Петровне, один — себе, остальные оставила запасными. Затем на отдельном листе написала крупно время открытия администрации и номера для сообщений об отмене. Лист собиралась повесить утром на остановке.

В пять часов в дверь амбулатории постучала Тамара Ильинична. Рабочий день закончился, но Таня ещё мыла пол, а Вера собирала папку.

— Я не лечиться, — сказала старуха с порога. — Не смотри так.

— Как?

— Будто сейчас скажешь, чего здесь нельзя.

— Что случилось?

Тамара Ильинична вынула из сумки три сложенных листа.

— Лида журнал завела. Я ей сказала, что бумаге нужен хозяин.

— Она хозяйка журнала.

— Вот и плохо. Лида добрая, но у неё всё общее, пока не потерялось. Я списала свои поездки за прошлую зиму. Даты по календарю проверила. Вот тут автобус пришёл, но меня не взял — ступенька высокая, водитель торопился. Тут не пришёл. Тут пришёл на два часа позже.

Вера взяла листы. Почерк был мелкий и ровный, как сетка.

— Вы разрешаете передать это району?

— Сначала прочитай.

— Я не решаю, что передавать без вас.

— Потому и пришла. Диагнозов нет. Я не глупая.

— Я не говорила, что вы глупая.

— Говоришь со всеми одинаково осторожно. От этого иногда хуже.

Вера разложила страницы. Тамара Ильинична указывала не только срывы. В двух случаях автобус приехал вовремя, водитель помог подняться, в одном — позвонил заранее. Внизу она подвела счёт: шесть назначенных поездок, три состоялись полностью, одна с опозданием, две не состоялись.

— Почему записали удачные? — спросила Вера.

— А как иначе узнаешь, что сломано? Если написать только плохое, получится, что автобуса никогда нет. Он бывает. Просто доверять ему нельзя.

Вера посмотрела на неё с уважением.

— Можно я покажу эти листы Серову в четверг?

— Покажи. Имя оставь. Телефон не давай, пусть через тебя звонят.

— Я не хочу быть постоянным посредником.

— Тогда через Лиду. Ей нравится.

— Вы можете сами подключиться к встрече.

Тамара Ильинична рассмеялась.

— По вашему телевизору?

— По видеосвязи.

— Я знаю слово. Не знаю, зачем мне на себя смотреть, пока чиновник говорит.

— Чтобы он слышал вас, а не мой пересказ.

Старуха подумала.

— Приду. Только не с утра. Козу сначала отдам.

— Встреча в одиннадцать.

— Тогда успею.

Перед уходом она задержалась у часов.

— Эти из процедурной?

— Да.

— Опять идут.

— Таня включила.

— Значит, не всё закрыли.

Вера хотела объяснить, что часы ничего не означают, что назначения здесь больше не выполняются, что нельзя принимать движение стрелок за возвращение стационара. Но Тамара Ильинична уже застёгивала пальто.

— Завтра автобус, — сказала Вера. — В семь десять.

— Я помню.

— Зал откроют в семь.

— Это если дежурная проснётся.

— Проверим.

После шести Вера закрыла амбулаторию и пошла домой. У гостевого дома Лиды горели окна столовой. За занавеской двигались тени. На крыльце стояли семь пар обуви, а на двери висел лист: «Встреча по поездкам. Вход со двора».

Вера замедлила шаг, но не остановилась. У неё действительно были свои дела. Нужно отсканировать документы для областной клиники, разобрать материнскую посуду и позвонить женщине, которая хотела купить холодильник. Ни одно дело не было срочным. Именно поэтому их так легко отдать.

Дома она включила настольную лампу и достала паспорт, диплом, свидетельство о повышении квалификации. Сканер захватывал листы криво. Вера трижды переделала страницу с трудовой книжкой, отправила файлы и получила автоматический ответ: «Документы приняты».

Потом открыла шкаф с посудой. На верхней полке стояли шесть чашек с голубыми ободками. Мать доставала их только для гостей, хотя гости последние годы приходили редко. Вера завернула одну чашку в газету, затем развернула. На ручке была тонкая трещина.

Телефон звякнул. Лида прислала фотографию стола. На нём лежала тетрадь «Поездки Причальной», вокруг — руки людей, чашки и карандаши. Лиц не было. Под снимком: «Правила прочитали вслух. Двое забрали записи, пятеро оставили. Ничего не публикуем без согласия».

Вера ответила: «Хорошо».

Лида тут же написала: «Это похвала?»

Вера набрала: «Это подтверждение, что правила соблюдены», — прочитала и стёрла. Написала заново: «Да. Спасибо».

Через минуту пришло красное сердце. Вера убрала телефон экраном вниз, но улыбнулась.

Она завернула все шесть чашек, подписала коробку «Лиде в гостевой дом» и поставила у двери. Это было маленькое действие, не связанное с автобусом, медициной или отъездом. Но, глядя на коробку, Вера поняла, что даже вещи мать она распределяет так, словно составляет ведомость: кому, сколько, на каком основании. Возможно, Таня права — с ней тяжело жить. Возможно, точность тоже могла стать способом никого не подпускать близко.

Вера достала одну чашку обратно и поставила на кухонную полку.

В десять вечера пришло письмо от транспортного отдела. К нему прилагался окончательный акт за понедельник. Подписи Веры в нём не было. Отдельным приложением шёл её список. В графе результата стояло: «Посадка не состоялась. Доставлено 0».

Следом пришло сообщение от неизвестного номера: «Спасибо, что не подписали за нас. Я жена Кулика».

Вера не знала, кто рассказал ей о споре. Ответила: «Подтвердила только то, что видела».

Женщина написала: «Вот именно».

Наутро нужно было снова прийти к администрации раньше семи. Резервная машина существовала пока только в письме, дежурная могла не открыть зал, а новый лист — оказаться ещё одной формой, которую заполняют заранее.

Вера положила рядом с дверью папку, термос и Лидин фонарь. Сверху — чистую ведомость без напечатанной фамилии.

Свою подпись она собиралась поставить только после того, как увидит, как люди входят в автобус.

Глава 4. Причальная узнаёт

В среду резервный автобус пришёл в семь двадцать две.

К этому времени люди успели дважды снять перчатки, погреть пальцы о бумажные стаканы и спросить Веру, можно ли считать опоздание срывом. Она отвечала одинаково: считать можно будет вечером, когда станет известно, кого довезли и кто попал на приём. Сам по себе автобус у остановки ещё ничего не доказывал.

Машина была меньше обещанной, белая, с бурой полосой грязи понизу. Водитель остановился не у крыльца администрации, а через дорогу, где асфальт просел к канаве. Тамара Ильинична первой поднялась со скамьи и, не дожидаясь помощи, направилась к выходу.

— Стойте, — сказала Вера. — Сейчас подадут ближе.

Водитель открыл дверь и высунулся из кабины.

— Тут мне разворачиваться удобнее.

— У нас трое с палочками. Подайте к бордюру.

— Я потом задом не выйду.

— Там площадка за администрацией.

— Мне диспетчер сказал у магазина.

Вера показала на лист, приклеенный к стеклу остановки. На нём стоял адрес: Причальная, семнадцать, крыльцо администрации. Водитель читать не стал. Он смотрел на часы и постукивал ладонью по рулю.

— Семь минут уже потеряли.

— Вы опоздали на двенадцать.

— Не я маршрут придумал.

Тамара Ильинична дошла до края дороги и остановилась перед снежной кашей. Вера взяла её под локоть. На другой стороне Сергей Кулик уже пробовал подняться на высокую ступеньку, держась обеими руками за поручень.

— Не лезьте, — крикнула Вера.

— Я залезу.

— Машина подъедет.

Водитель закрыл дверь. На секунду Вере показалось, что он уедет. Но автобус дёрнулся, описал неровный круг и остановился у крыльца так близко, что передняя ступень пришлась напротив сухой полосы асфальта.

— Вот это запишем как прибыл или как не прибыл? — спросил Аркадий.

— Как прибыл в семь двадцать две и был переставлен по просьбе пассажиров.

— И все счастливы.

— Никто пока не обязан быть счастливым.

Вера достала новый бланк. В первой части стояли девять заявленных пациентов и одна сопровождающая. Она называла фамилии, отмечала тех, кто вошёл, и каждый раз смотрела внутрь машины. Восемь пациентов сели. Девятый, Фёдор Горин, остался у крыльца с талоном в руке.

— А меня нету, — сказал он.

Вера проверила список ещё раз. Фамилии Фёдора действительно не было. Вместо него внизу значилась его жена Мария, хотя назначение было у него.

— В понедельник вас привезли по ошибке, — сказала Вера. — Вчера я передавала исправление.

— Значит, два раза ошиблись и получилось правильно. Поеду.

Водитель покачал головой.

— Только по списку.

— Место есть.

— Место не документ.

Аркадий хмыкнул:

— Вера, спроси у своей бумаги, где человеку лечиться.

Она уже звонила в регистратуру. Ответила девушка, которая в понедельник искала новые часы для всех сорванных назначений. Она нашла заявку Фёдора: фамилия была в районной системе, но при переносе в транспортный файл перепутали имя пациента и сопровождающей.

— Я сейчас письмо водителю отправлю, — сказала девушка.

— Он не читает почту на маршруте.

— Тогда диспетчеру.

Водитель услышал слово «диспетчер» и протянул свой телефон. Через минуту разрешение пришло голосом. Фёдор поднялся в автобус последним. Вера зачеркнула Марию Горину, вписала Фёдора и рядом указала время согласования. Водитель поставил подпись под своей частью.

— Теперь довольны? — спросил он.

— Теперь понятно, кто поехал.

— Одно и то же.

— Нет.

Он захлопнул дверь. Тамара Ильинична помахала Вере через стекло, а Аркадий отвернулся, будто не хотел, чтобы его провожали. Автобус выехал на дорогу в семь тридцать шесть.

Лида снимала всё на телефон из-за забора гостевого дома. Когда машина скрылась, она подошла к остановке.

— Лица не брала, — сообщила она. — Только как подъехал с той стороны и потом переставлялся.

— Зачем снимала?

— Чтобы было видно, почему высокий борт — не мелочь.

— Кому видно?

Лида опустила телефон.

— Пока мне. А дальше решим.

— Сначала решают, потом снимают.

— Дорогу я могу снимать без разрешения.

— Можешь. Но если хочешь приложить к журналу, запиши, кто снял, когда и для чего.

И не выкладывай, пока люди не вернутся.

— Там людей нет.

— Голос водителя есть.

Лида провела пальцем по экрану и выключила запись.

— Ты любую вещь умеешь сделать тяжёлой.

— Лёгкой её делает тот, кого в кадре нет.

Они вместе убрали со скамьи стаканы. Вера собиралась идти в амбулаторию, где оставались обычные приёмы и коробки из закрытого дневного стационара, но у магазина заметила складной стол. Вчера он стоял в столовой Лидино дома. Теперь поверх клетчатой клеёнки лежала тетрадь «Поездки Причальной», рядом — пустые листы и два карандаша на верёвках.

К дверце холодильника с мороженым Лида прикрепила копию понедельничной записи. Имена и телефоны были закрыты полосами чёрной бумаги. Видны остались дата, плановое время, время сообщения о поломке и итог: доставлено ноль.

— Мы не договаривались вывешивать, — сказала Вера.

— Там нет фамилий.

— Мы договаривались ничего не публиковать без согласия.

— Согласие дали пятеро из семи. Двое забрали свои листы. Здесь только общее число.

- А остальные ожидавшие?
- Ты же сама повесила у магазина, что не доставили никого.
- Я повесила сообщение о конкретном рейсе. Не данные из журнала.
- Это тот же рейс.

Вера подошла к листу. Чёрные полосы были вырезаны из упаковки чая и приклеены скотчем. Под ними ничего нельзя было прочитать, но бумага всё равно оставалась копией её служебной записи. В правом углу сохранился номер листа.

- Где ты взяла это?
- Сфотографировала вчера у тебя в папке.
- Ты открывала мою папку?
- Она лежала на столе. Мы правила смотрели.
- Правила лежали отдельно.
- Вера, я не украла историю болезни. Я сделала копию нашей общей беды.
- Общая беда не делает общими все бумаги рядом с ней.

Лида скрестила руки. Румянец после улицы ещё держался на её щеках, и от этого она казалась моложе и упрямее.

- Если всё держать у тебя в синей папке, никто ничего не узнает.
- В этой папке фамилии, телефоны и назначения.
- Я их закрыла.
- После того как сфотографировала.
- И удалила снимок.
- Откуда он тогда распечатан?

Лида открыла рот и замолчала. Потом достала телефон.

- Из удалённых восстановила, распечатала и снова удалила.
- Значит, копия могла сохраниться в печати, в облаке, где угодно.
- В каком ещё облаке? У меня связь у окна еле ловит.
- Я не отдам тебе журнал, если ты считаешь осторожность моей причудой.
- А он твой?

Вопрос прозвучал громче, чем все предыдущие. Продавщица за стеклом подняла голову. Двое мужчин у ящиков с минтаем перестали разгружать машину.

Лида положила ладонь на тетрадь.

- Вот это кто купил?
- Ты.
- Кто вчера собирал людей?
- Ты.
- Кто записал правила?
- Мы вместе.
- Тогда почему ты говоришь «не отдам»?

Вера посмотрела на свою руку. Она действительно держалась за край тетради, хотя не помнила, когда взялась.

- Потому что отвечаю за сведения, которые люди передали мне как медсестре.
 - Они передали их не медсестре. Они пришли ко мне в столовую и рассказали, как ездят.
 - Тогда ты отвечаешь. Но это значит не «могу вывесить», а «должна спросить».
 - Я спросила.
 - Не всех.
 - Всех, чьи листы здесь.
 - Мою служебную записку ты взяла без спроса.
- Лида отдернула руку.
- Сними, если хочешь.

Вера отклеила лист. Скотч потянул краску с холодильной дверцы, и продавщица постучала в стекло.

— Вы там магазин не разбирайте.

Вера сложила копию пополам и убрала в папку.

— Я принесу другой лист. Только итоговые числа, без копии служебного документа. И подпишем, кто их проверил.

— Подпись опять твоя будет?

— Нет. Того, кто сверял.

— Кто будет сверять?

— Решим.

— Вот ты и решила.

Лида взяла тетрадь и понесла её к гостевому дому. Стол остался пустым, карандаши свесились на верёвках почти до земли.

К полудню вся Причальная знала не о сорванном рейсе, а о том, что Вера отобрала у Лиды тетрадь.

В амбулаторию пришла продавщица и сказала, что никакой тетради у магазина ей не нужно: люди начнут записывать долги и жалобы на цены. Потом позвонил Николай Горин и спросил, куда теперь сообщать про жену. Женя Белова из районной выездной службы прислала короткое сообщение: «У вас там сбор медицинских данных? Объясни, пока не пошла жалоба». Аркадий позвонил из районного коридора и сказал, что автобус доехал, зато племянница снова поссорила с человеком, который помогает бесплатно.

Вера ответила только Жене. Написала, что журнал содержит даты транспортных заявок, факт прибытия машины и результат поездки; диагнозы, назначения и номера медицинских документов туда не вносят. Добавила, что сегодня возник спор о хранении и публикации.

Женя перезвонила.

— Слово «возник» можешь убрать. Кто-то сфотографировал лишнее?

— Лида взяла копию моей записи, закрыла имена и вывесила.

— Источник у неё остался?

— Говорит, удалила.

— Проверьте вместе. И разделите два дела. Медицинские сведения — у вас. Жалобы на транспорт люди могут собирать сами. Не называйте это медицинским журналом и не ставьте туда диагнозы.

— Мы так и сделали.

— Тогда почему твоя служебная бумага оказалась у магазина?

— Потому что я оставила папку на столе.

Женя не стала утешать.

— Значит, и твоя ошибка есть.

— Есть.

— Хорошо, что понимаешь. А то я уже приготовилась спорить.

— Ты всегда готовишься спорить со мной?

— С тобой надо заранее. Но журнал не убивайте. Мне за месяц три раза сказали, что машина была, когда её не было. Если люди будут отмечать одинаково, это пригодится. Только пусть владельцем будет не медсестра и не поликлиника.

— А кто?

— Те, кто пишет. Соберите их и спросите.

После разговора Вера достала из шкафа чистую школьную тетрадь. На обложке ничего не написала. Разлиновала страницу на четыре простых вопроса: когда человек должен был ехать, приехала ли машина, добрался ли он до места, разрешает ли он использовать запись в общем

подсчёте. Фамилию предложила хранить на отдельном отрывном листке, если она нужна для проверки.

Потом поняла, что снова делает всё сама.

Она закрыла тетрадь и позвонила Лиде.

Та не ответила. Через пять минут пришло сообщение: «Я занята».

Вера написала: «В шесть у тебя или в администрации нужно решить, кому принадлежит журнал и кто имеет доступ. Я приду без синей папки».

Ответа не было.

До возвращения автобуса Вера занималась обычной работой. Измерила давление у мужчины после ночной смены, объяснила молодой матери, почему направление ребёнка не исчезло вместе с дневным стационаром, нашла в коробках запасные ключи от шкафа с документами. Таня мыла освобождённую комнату, хотя пользоваться ею никто не собирался.

— Зачем? — спросила Вера.

— Инженер в пятницу придёт пломбы ставить. Пусть не думает, что мы грязнули.

— Он будет смотреть проводку.

— Грязь увидит глазами, не проводкой.

Таня отжала тряпку.

— Лида плакала.

— Где?

— У себя. Я коробки заносила.

— Она тебе рассказала?

— Нет. Я не слепая.

Вера поставила ключи на место.

— Я не могла оставить копию у магазина.

— Так и скажи ей. Только без лекции про облако. У нас с утра настоящее небо на голову падает, а ты её ещё облаком пугаешь.

— Фотографии правда могут сохраняться.

— Верю. Но она услышала, что ты считаешь её дурой.

— Я так не считаю.

— Это ты тоже ей скажи.

В три часа районная регистратура подтвердила первую часть поездки: автобус прибыл в десять двадцать, восемь человек прошли назначенные процедуры, Фёдор Горин попал на приём после ручного исправления, одну пациентку врач перенёс на пятницу. Цифры совпали с посадочным листом.

Обратно машина выехала с опозданием на сорок минут. В Белую Пристань она пришла уже в темноте. Вера встретила людей у администрации. Тамара Ильинична сошла медленно, но сама; следом водитель вынес её сумку.

— Этот помог, — сказала она Вере. — Пиши.

— Вы сами напишете.

— Куда?

— Пока не решили.

— А Лидина тетрадь чем плоха?

Аркадий спустился последним.

— Тем, что Лида не медсестра, а медсестра хочет уехать, — сказал он. — Поэтому всё должно ждать, пока она назначит главного.

— Главного не будет, — ответила Вера.

— Тогда и дела не будет.

Он прошёл мимо. Остальные задержались. За день они устали, но расходиться не спешили, словно поездка ещё не закончилась, пока не записан её итог.

— В шесть у Лиды встреча, — сказала Вера. — Решим, где хранить записи и кто может показывать общий подсчёт.

— А зачем показывать? — спросил Сергей Кулик.

— Чтобы район видел не только число поданных машин, но и число людей, которые добрались.

— Району и пошлём. На магазине зачем?

— Чтобы вы сами видели те же числа.

— Я свои и так знаю.

Тамара Ильинична поправила платок.

— Свои все знают. А когда каждому по одному разу не повезло, выходит, будто ничего не случилось. Пойдёмте к Лиде.

В столовой гостевого дома пахло вчерашним кофе и мокрой одеждой. Лида поставила тетрадь в середину стола, но сама села у окна. Вера принесла снятую копию в прозрачном файле и положила рядом.

— Я оставила папку там, где её можно было открыть, — сказала она. — Это моя ошибка. Я не считаю тебя душой и не думаю, что ты хотела кому-то навредить. Но служебную запись нельзя было фотографировать без спроса.

Лида посмотрела не на неё, а на файл.

— В печатной лавке копия не осталась. Я ездила проверила. С телефона удалила и из корзины тоже.

— Спасибо.

— Я хотела, чтобы все увидели ноль.

— Ноль можно было переписать отдельно.

— Теперь знаю.

Это не было примирением, но разговор снова стал о деле.

За столом сидели одиннадцать человек. Трое ездили сегодня, четверо приносили старые записи, остальные пришли потому, что тетрадь успела постоять у магазина сорок минут. Продавщица прислала мужа и велела передать, что хранить бумаги в магазине не позволит.

Вера предложила четыре вопроса, которые записала днём. Лида добавила пятый: помог ли водитель с посадкой тем, кому это требовалось. Сергей потребовал отмечать высоту ступеньки. Тамара Ильинична сказала, что высота у каждой машины разная и важнее записывать, смог ли человек войти безопасно. Николай Горин спросил, кто будет решать, что значит безопасно.

— Сам пассажир, — ответила Тамара. — Нога его.

Спорили долго. Не о больших словах, а о том, где лежит ключ, можно ли забрать свою запись, кто звонит человеку для проверки и сколько времени хранить имя. Вера сначала отвечала на каждый вопрос. Потом заметила, что остальные смотрят только на неё, и замолчала.

— Ну? — спросил Сергей.

— Это не медицинский документ и не моя тетрадь. Решайте.

— Ты лучше знаешь.

— Я знаю, чего туда нельзя писать: диагнозов, назначений, номеров карт. Остальное должно быть вашим решением.

Лида впервые за вечер посмотрела ей прямо в лицо.

— Тогда я предлагаю так. Тетрадь хранится здесь, в запираемом шкафу столовой. Ключи у меня и у Тамары Ильиничны. Не у Веры. Каждый лист принадлежит тому, кто его заполнил: можно забрать или запретить использовать. Раз в неделю мы считаем только поездки и результаты, без имён. Общий лист вешаем у магазина и отправляем в район. Перед отправкой двое сверяют числа.

— Почему у Тамары ключ? — спросил Аркадий.

— Потому что она записала и хорошее, и плохое, — сказала Лида. — А ты пока записал только, что Вера тебе должна.

Несколько человек засмеялись. Аркадий не ушёл. Он потёр большим пальцем край стола и сказал:

— У меня тоже есть поездки.

— Запиши, — предложила Тамара. — Только по времени, а не по характеру племянницы.

Решение приняли не голосованием. Лида читала каждое правило, и те, кто был против, предлагали другую фразу. В конце на внутренней стороне обложки появилось семь коротких пунктов. Вера попросила добавить восьмой: служебные документы поликлиники к журналу не прикладывают. Лида записала без спора.

Первый общий лист составили за тем же столом. Понедельник: заявлено девять пациентов, у остановки ожидали восемь назначенных пациентов, один человек без назначения и одна сопровождающая; машина не прибыла; доставлено ноль. Среда: заявлено девять пациентов; сели девять после исправления ошибки; доставлены девять; машина опоздала к посадке на двенадцать минут и к возвращению на сорок; помощь при посадке оказана после просьбы.

— Не получается ни победы, ни бедствия, — сказал Николай.

— Получается среда, — ответила Тамара.

Лида переписала цифры крупно на чистый лист. Внизу вместо подписи Веры поставили две: Кравцова Л. С. и Воронцова Т. И. Рядом написали: «Сверено по добровольным сообщениям пассажиров и ответу районной регистратуры».

— Теперь можно у магазина? — спросила Лида.

Вопрос был адресован Вере. Она почувствовала привычное желание проверить каждое слово ещё раз, поправить дату, выбрать место, где лист не намокнет. Вместо этого повернулась к людям за столом.

— Это ваш общий итог.

— Мы согласны, — сказала Тамара.

— Тогда можно.

Лида прикрепила лист утром. К полудню под ним появились три записки. На первой без подписи было: «В октябре машина ушла раньше, двое не успели». На второй стояли фамилия и номер телефона. На третьей кто-то написал: «А когда всё было хорошо, тоже считайте».

Тамара Ильинична обвела последнюю фразу карандашом и поставила рядом галочку.

Вера увидела лист по дороге на видеовстречу с Серовым. Остановилась, прочитала и не стала снимать. У магазина спорили, считать ли поездкой случай, когда автобус пришёл, но человек остался дома из-за гололёда. Лида не звала Веру рассудить. Она спросила у мужчины, было ли место посадки расчищено и предупреждал ли он об отказе.

Причальная узнавала о себе не из объявления Веры и не из районной ведомости. Люди приносили даты, сверяли часы, вспоминали удачные рейсы и отделяли их от сорванных. Ноль понедельника перестал быть доказательством чьей-то злой воли. Девять среды не стали доказательством, что замена работает. Между ними впервые появился счёт, принадлежавший не одному ответственному человеку.

Вера вошла в амбулаторию и поставила синюю папку в запираемый шкаф. Ключ убрала в карман халата. На столе оставила только пустой бланк следующего рейса.

В одиннадцать экран мигнул, и появилось лицо Павла Серова. Рядом с Верой села Тамара Ильинична, перед ней лежали шесть листов прошлогодних поездок. Лида принесла общий подсчёт и заняла стул у стены.

— У нас сорок минут, — сказал Серов. — Давайте разберём, что именно вы предлагаете изменить.

Вера уже собиралась ответить, но Тамара Ильинична положила ладонь на свои записи.

— Сначала вы послушаете тех, кого возят, — сказала она. — Медсестра сегодня не за всех.

Вера закрыла рот.

Лида у стены едва заметно кивнула ей. На этот раз Вера поняла кивок правильно и отодвинула от себя синюю папку.

Глава 5. Чиновник по инструкции

Павел Серов не перебил Тамару Ильиничну ни разу.

Он сидел перед камерой в сером кабинете, записывал что-то на листе и только поднимал ладонь, когда связь начинала повторять последние слова. Тамара рассказала о шести прошлогодних поездках: трёх удачных, одной с опозданием и двух сорванных. Потом Лида прочитала общий итог за понедельник и среду. Вера ждала вопроса о том, кто разрешил жителям вести такой журнал, но Серов спросил другое:

— В среду все девять получили помощь в день приезда?

— Восемь прошли назначенные процедуры, Фёдор Горин попал на приём, — ответила Вера. — Одной пациентке процедуру перенесли на пятницу по решению врача. Она была доставлена, но цель поездки достигнута не полностью.

— В вашем общем листе написано «доставлены девять».

— Потому что жители считают транспорт, — сказала Лида. — Про лечение мы не пишем.

— Правильно. Тогда мне нужны два результата: доставлен и принят по назначению. Второй — только от поликлиники, без медицинских подробностей.

Тамара Ильинична наклонилась к экрану.

— Вы сейчас добавите ещё одну клеточку, и всё наладится?

— Нет.

Серов произнёс это спокойно, без защитной улыбки.

— Клеточка покажет, где именно не наладилось. Исправлять придётся отдельно.

— Нам уже показывали ведомость, где всё наладилось заранее.

— Ту форму заменили.

— После того как Вера отказалась подписывать.

— Да.

Тамара явно ожидала оправданий. Услышав простое согласие, она откинулась на спинку стула.

— Значит, отказ помог.

— Помог увидеть плохую форму. Автобус он не починил.

— Автобус в среду пришёл.

— Резервный. Основная машина пока в ремонте.

Серов попросил показать прошлогодние листы ближе к камере. Вера потянулась взять их, но Тамара сама подняла первый. Камера не наводилась, строчки расплывались. Серов предложил прислать сканы после разговора.

— Кому? — спросила Тамара.

— Мне и в транспортный отдел.

— Вы потом мой телефон водителю дадите?

— Нет. На копиях можно оставить имя и закрыть телефон. Оригиналы остаются у вас.

Лида посмотрела на Веру. Та не кивнула и не поправила. Правила работали и без её подтверждения.

Следующие двадцать минут Серов задавал вопросы, от которых разговор становился уже. Где именно люди ждут машину. Кто открывает зал администрации. За сколько минут сообщают об отмене. Можно ли резервной машине подъехать к крыльцу. Кто сверяет список после ручной замены фамилии. Тамара дважды говорила, что важнее вернуть дневной стационар. Серов отвечал, что сегодня разбирает транспорт, потому что это действующая замена, а вопрос о новом помещении потребует другого решения.

— Другого решения когда? — спросила Лида.

— Когда будет помещение, соответствующее требованиям, и расчёт нагрузки.

— У нас было помещение.

— Аварийное.

— Оно двадцать лет не было аварийным, а в понедельник стало.

— В понедельник вода дошла до проводки. Если бы инженер оставил его открытым и кого-то ударило током, вы бы сейчас спрашивали, почему мы знали и не закрыли.

— Можно починить.

— Можно оценить, есть ли смысл чинить. Для этого нужен осмотр после просушки стены и расчёт работ. Сегодня инженер ставит пломбы на отключённую часть.

Таня, услышав из коридора про пломбы, заглянула в дверь.

— Он уже приехал.

Серов посмотрел на часы.

— Я тоже выезжаю. Буду примерно через час двадцать. Закончим на месте.

Экран погас раньше, чем Лида успела спросить, зачем он едет. Вера закрыла ноутбук.

— Боится по телевизору сказать, что навсегда закрыли, — решила Лида.

— Он сказал про пломбы ещё до звонка.

— Пломбы инженер поставит.

— Значит, едет не ради них.

Тамара сложила свои листы в прозрачный файл.

— Чиновник просто так в посёлок не едет. Либо привезёт плохое, либо хочет увидеть, как мы его примем.

— Чай ставить? — спросила Таня.

— Нет, — одновременно ответили Вера и Тамара.

Через час у амбулатории собрались двадцать три человека. Кто-то узнал о приезде Серова от Лиды, кто-то увидел районную машину, остановившуюся у администрации. Дверь бывшего дневного стационара была открыта, но поперёк прохода инженер натянул красно-белую ленту. На стене темнело влажное пятно, снятая розетка лежала на подоконнике.

Серов приехал не один. С ним была женщина из хозяйственной службы поликлиники и молодой специалист с рулеткой и папкой. Вера знала обоих по редким районным совещаниям. Женщину звали Ольга Валентиновна; она считала расходы на здания. Молодой человек представился специалистом по охране труда и сразу попросил людей не заходить за ленту.

— Мы и так сюда не заходим, — сказал Сергей Кулик. — Нас закрыли.

— Именно поэтому никто не должен заходить, — ответил специалист.

Серов снял пальто, повесил его на крючок в общем коридоре и прошёл к аварийной двери. Инженер показал влагомер, кабель и трещину над оконной перемычкой. Ольга Валентиновна записывала размеры. Люди стояли тесно, передавали услышанное назад и добавляли свои объяснения.

— Крыша течёт, а закрыли процедуры.

— Провода новые два года назад клали.

— Там трещина с девяносто восьмого.

— Мою мать здесь лечили и ничего.

Вера попросила всех отойти, чтобы специалист мог открыть щиток. Её послушались. Серов посмотрел на неё, и это короткое движение заметил Аркадий.

— Вот кто у нас по-прежнему главный, — сказал он.

— Я попросила не мешать осмотру.

— А он приехал, чтобы при тебе нас закрыть.

Серов повернулся.

— Помещение закрыто с понедельника. Вера Андреевна здесь ничего не решала за комиссию.

— Зато подпись не поставила.

— Под актом перевозчика она правильно не поставила подпись.

Аркадий будто не ожидал, что чиновник ответит именно так.

— А под закрытием поставила?

— Под закрытием расписались инженер, представитель поликлиники и я. Медсестра сообщила о воде возле проводки. Если вы считаете, что ей следовало промолчать, скажите это прямо.

Аркадий отвернулся к окну.

Осмотр длился сорок минут. Когда пломбы были поставлены, специалист сфотографировал номера и попросил Веру расписаться только в том, что один экземпляр акта ей передан как сотруднику амбулатории. Она прочитала строку полностью и подписала.

— Вот сейчас можно? — спросил Аркадий.

— Сейчас я подтверждаю, что получила копию.

— Бумага бумагой.

— Да. Поэтому читают, что на ней написано.

Серов предложил перейти в зал администрации. Людей было слишком много для маленькой комнаты, и встречу устроили в бывшем клубе на первом этаже. На сцене осталась декорация от летнего праздника: картонный маяк и синяя ткань моря. Серов не поднялся на сцену. Поставил стул перед первым рядом и остался стоять рядом с ним.

— Сначала о помещении, — сказал он. — Сегодняшний осмотр подтвердил, что использовать пристройку нельзя. Протечка не единственная проблема. Есть повреждение стены, нет отдельного доступного входа, а система отопления связана с остальной амбулаторией так, что ремонт нельзя провести за выходные. Решение о запрете остаётся в силе.

По залу прошёл гул.

— Навсегда? — спросил кто-то.

— До устранения нарушений и новой приёмки. Но хозяйственная служба предварительно считает капитальный ремонт этой пристройки неразумным. Окончательный расчёт будет через две недели.

— Неразумным для кого? — спросила Лида.

— Для бюджета поликлиники. Ремонт может стоить дороже, чем приспособление другого здания.

— А другое здание у вас есть?

— У поликлиники — нет.

— Значит, это и есть навсегда.

Серов не стал спорить со словом.

— Если не появится подходящего помещения и решения о филиале, помощь останется в районном центре с доставкой транспортом.

— То есть машина вместо стационара, — сказал Сергей.

— Машина обеспечивает доступ к стационару.

Вера услышала ту же формулу, которую он произнёс в понедельник. Только теперь у них были два дня с разным результатом.

— Поданная машина или доставленный человек? — спросила она.

Серов посмотрел на неё.

— Доставленный человек.

— В районном контракте что считается выполнением?

Ольга Валентиновна раскрыла папку.

— Рейс по маршруту при технически исправной машине и соблюдении расписания.

— А если машина выехала с базы и не доехала до посёлка?

— После понедельника это отмечается как сорванная поездка.

— Если она приехала, но человек не поднялся на ступеньку?

— Водитель обязан оказать помощь при посадке, — сказал Серов.

— Если фамилию потеряли при переносе списка?

— Исправление передаётся диспетчеру.

— Всё это произошло за два рейса. На бумаге транспорт назначен. Для человека замены нет, пока он не вошёл в нужный кабинет.

— Согласен частично. Транспорт отвечает до входа в поликлинику. За приём отвечает поликлиника.

— Человеку всё равно, где проходит граница между вашими ответственностями.

— А нам не всё равно. Если границу не определить, никто не исправит свою часть.

Это был не отказ. Вера замолчала, проверяя, не спорит ли по привычке. Серов продолжил:

— Поэтому с пятницы район будет считать три числа: заявлены, доставлены, приняты по назначению. Третье поликлиника сообщает без диагнозов. Отмена рейса не закрывается как оказанная перевозка. Опоздание больше пятнадцати минут фиксируется отдельно. Место посадки переносим к крыльцу администрации. Зал открывается за двадцать минут до времени отправления.

— Кто откроет? — спросила продавщица.

Глава посёлка, сидевший у стены, поднял руку.

— Дежурная. Приказ сделаю сегодня.

— В понедельник она проспала.

— Получила выговор.

— От выговора дверь не откроется.

— Будет второй ключ у диспетчера котельной, — сказал глава.

Лида записала это в тетрадь. Серов заметил.

— Ваш журнал я не запрещаю. Но он не заменяет официальные обращения. Если рейс сорван, нужно сообщить диспетчеру в тот же день.

— Мы сообщали раньше, — сказала Тамара. — Нам отвечали, что машина вышла.

— Теперь диспетчер должен спросить не только о выходе, но и о прибытии.

— Потому что Вера отказалась подписать?

— Потому что прежний порядок показал ошибку.

— Вы всё обходите это слово.

— Какое?

— Мы были правы.

Серов провёл пальцем по краю папки.

— В понедельник вы были правы: транспорта не было, а первая ведомость не показывала этого ясно. В среду транспорт был и доставил девять человек. Если в пятницу он снова работает, это тоже нужно признать.

— Мы признаем, — сказала Тамара. — У нас записано.

Серов кивнул.

Разговор мог закончиться на этом. Район исправил форму, добавил показатели, назначил ключ и место посадки. Для отчёта этого было достаточно. Но люди не расходились.

— А до весны? — спросила женщина из третьего ряда. — Ездить по три часа туда и обратно?

— По действующему решению — да.

— Я после процедуры в автобусе не могу.

— Врач может определить другой вид перевозки или выездную помощь, если есть основания.

— Каждый раз выпрашивать?

— Не выпрашивать. Обращаться к врачу.

— А если врача у нас нет в этот день?

Серов начал объяснять порядок звонка в регистратуру. Его голос оставался ровным, но каждое следующее условие требовало ещё одного звонка, талона или решения. Вера видела, как люди перестают слушать последовательность и слышат только расстояние между собой и помощью.

Тамара подняла руку.

— Вы сказали: другое здание.

— Сказал.

— Сетевязальная мастерская на краю Причальной пустует третий год.

Лида повернулась к ней.

— Та, что за старым складом?

— Та. Отдельный вход, вода была, котельная своя. Окна целы.

— Кому принадлежит? — спросил Серов.

— Артели.

— Артель её сдаёт?

— Артель её забывает.

— Это не юридический ответ.

— Председатель — мой племянник. Будет ответ.

В зале впервые стало тихо. Все знали мастерскую: длинное одноэтажное здание с выцветшей синей дверью. Летом возле него сушили сети, зимой снег лежал нетронутым до самой стены.

Ольга Валентиновна спросила площадь. Тамара назвала примерно. Специалист по охране труда спросил про второй выход. Она ответила, что есть дверь во двор. Вера вспомнила низкий порог, широкий зал и маленькую комнату, где когда-то хранили поплавки.

Серов не пообещал приехать завтра с комиссией. Он перечислил, что потребуется: согласие собственника, назначение помещения, техническое состояние, вода, отопление, доступный вход, санитарные условия, пожарные выходы, договор пользования и понимание, кто оплачивает работы.

После третьего пункта кто-то сзади сказал:

— Всё, похоронил.

— Я перечисляю не причины отказа, а условия открытия, — ответил Серов.

— Вы их так перечисляете, что проще болеть по расписанию автобуса, — сказала Лида.

— Если пропустить хоть одно, получится ещё одно помещение, которое придётся закрыть после первой протечки.

— А если всё собрать?

— Тогда район рассмотрит филиал или кабинет в составе поликлиники. Обещать решение до осмотра я не буду.

Тамара встала.

— Осмотр когда?

— Когда собственник письменно согласится предоставить доступ.

— Сегодня к вечеру согласится.

— Тогда подавайте письмо через администрацию, и на следующей неделе приедем.

— Не через Веру?

— Собственник подаёт сам.

Тамара улыбнулась, будто именно этого и добивалась.

После встречи люди окружили её, задавая вопросы о мастерской. Серов отошёл к окну и складывал бумаги. Вера подошла вернуть ему копию транспортного листа.

— Оставьте себе, — сказал он. — Это ваш экземпляр.

— Я думала, вы заберёте для отчёта.

- У меня есть скан.
- Он застегнул папку.
- Вы правильно разделили журнал жителей и документы поликлиники.
- Не я разделила. Женя подсказала, жители решили.
- Тем лучше.
- Почему?
- Потому что вы уедете.
- Вера посмотрела на него резко.
- Лида сказала?
- Галина Петровна. У вас запросили характеристику с нового места.
- Это не относится к стационару.
- Относится к кадровому планированию. Если мы откроем что-то здесь, надо понимать, кто будет работать.
- Не вписывайте меня заранее.
- Я и не вписываю. Поэтому спрашиваю: заявление подано?
- Ещё нет. Выход подтверждён на двадцать пятое марта.
- До какого дня вы готовы участвовать в переходе?
- Слово «готовы» не означало «обязаны», но Вера всё равно почувствовала ловушку.
- В рамках своей работы — до увольнения. В журнале жителей — только как житель, если они попросят. Здание я могу оценивать только в пределах компетенции медсестры.
- Хороший ответ.
- Он вам удобен?
- Он исполним. Неудобно, когда человек обещает всё, а потом выясняется, что он имел в виду сочувствие.
- Вера вспомнила, как сама говорила почти то же другими словами.
- Вы действительно считаете транспорт достаточной заменой? — спросила она.
- Серов посмотрел на картонный маяк за её плечом.
- Я считаю, что сейчас это единственная законная замена, которую можно запустить сразу. Достаточна ли она, покажут не три рейса, а месяц. Если люди не добираются, будем менять. Если добираются ценой целого дня и после процедур не могут ехать обратно, это тоже надо считать.
- Раньше вы говорили только о наличии маршрута.
- Раньше у меня были заявка поликлиники и условия контракта. Теперь есть понедельник.
- Один сорванный рейс.
- Один проверенный сорванный рейс. Это больше, чем десять разговоров без дат.
- Он надел пальто.
- Но не пытайтесь доказать недостаточность транспорта каждым опозданием. Если журнал станет способом получить заранее выбранный ответ, ему перестанут верить.
- Скажите это Лиде и Тамаре.
- Почему не вам?
- Потому что журнал их.
- Серов впервые улыбнулся.
- Скажу на следующей встрече.
- У выхода его остановил Аркадий.
- А если мастерскую не дадут, вы так и будете нас катать?
- Пока не появится другое законное решение.
- У вас на всё законное слово есть.
- Работа такая.

— У Веры тоже работа была. Теперь вот уезжает.
Серов не посмотрел на Веру.

— Увольнение сотрудника — его право. Район должен строить помощь так, чтобы она не исчезала вместе с одним человеком.

Аркадий отступил, будто его толкнули. Вера не знала, защищал ли Серов её или просто формулировал служебную задачу. Важно было, что фраза прозвучала при всех и не её голосом.

К вечеру Тамара принесла в амбулаторию письмо артели. На бланке с выцветшим изображением рыбы председатель разрешал районной комиссии осмотреть мастерскую для возможного размещения подразделения поликлиники. Об оплате, сроках и ремонте не было ни слова.

— Для осмотра хватит, — сказала Тамара.

— Вы сами отнесёте в администрацию?

— Уже отнесла. Здесь копия.

Вера не взяла лист.

— Храните с журналом решений, не с поездками.

— Значит, второй журнал заводить?

— Не знаю.

— Наконец-то.

Тамара засмеялась и убрала письмо в сумку.

Когда все ушли, Вера вернулась к опечатанной двери. За стеклом виднелись кушетки, стойка для капельниц и часы, которые Таня успела снять со стены до пломбирования. Они лежали на столе циферблатом вверх и продолжали идти.

Помещение закрыли окончательно — во всяком случае, на эту зиму. От этой мысли стало пусто, хотя Вера сама первой отключила электричество и позвала инженера. Правильное решение не обязано было приносить облегчение.

Она выключила свет в коридоре и вышла на Причальную. У магазина под общим листом появилась новая строка: «Следующий рейс — пятница. Проверяем по тем же правилам». Ниже чужой рукой было приписано: «Мастерская — не обещание. Сначала осмотр».

Вера узнала почерк Тамары.

Улица получила новое дело и сразу поставила ему границу. Не открыть филиал любой ценой, не назначить Веру ответственной, не объявить пустое здание спасением. Сначала открыть дверь, проверить воду, стены и выходы. Потом решить, кто заплатит и кто будет работать.

Это звучало почти как инструкция Серова. Только теперь её переписали люди, которых раньше считали пассажирами.

Глава 6. Комната ожидания

В пятницу мороз пришёл раньше автобуса.

В половине седьмого Вера вышла на крыльцо и услышала, как море за домами двигает мелкий лёд у берега. Звук был негромкий, будто кто-то перебирал в темноте битое стекло. На термометре под кухонным окном стояло минус двенадцать. Для ноября в Белой Пристани это считалось не холодом, а предупреждением: трубы ещё не везде утеплили, лодки не все подняли, люди всё ещё выходили в осенних ботинках и убеждали себя, что настоящая зима начнётся позже.

Телефон завибрировал в кармане халата. Лида звонила из зала администрации.

— Дверь закрыта, — сказала она без приветствия. — Второй ключ у диспетчера котельной, диспетчер на аварии у школы, дежурная идёт пешком с Верхней. Тут уже четверо.

— Автобус в семь сорок.

— Именно. Тамара пришла в шесть двадцать, потому что племянник подвёз на работу. Аркадий тоже здесь. У него руки белые.

Вера посмотрела на освещённое окно своей передней. Между её калиткой и крыльцом администрации было сто восемьдесят шагов, если идти вдоль дороги, и меньше, если срезать через пустырь. Раньше она не считала. После закрытия стационара начала считать всё: людей, минуты, ступени автобуса, свободные стулья, дни до восемнадцатого марта.

— В магазине?

— Таня открывает в восемь.

— В амбулатории?

— Смена с девяти. Ты сама знаешь.

Знала. Знала и то, что вызвать для четверых такси из района невозможно, что греть заведённую машину Лиды ради ожидания небезопасно, что диспетчер котельной не бросит аварию у школы ради запасного ключа. У каждого правильного решения находился час, когда оно ещё не работало.

— Ведите ко мне, — сказала Вера. — Только в переднюю. Я сейчас открою боковую дверь.

Лида ответила не сразу.

— Всех?

— Тех, кто ждёт рейс. Не улицу.

— Поняла.

По тому, как быстро она отключилась, Вера поняла, что Лида уже махнула людям рукой.

Дом после смерти матери стал больше не потому, что освободилась комната. Из него ушёл распорядок. Не нужно было вставлять в чайник ровно две кружки воды, оставлять свет в коридоре, проверять перед сном дыхание за неплотно прикрытой дверью. Вера убрала медицинскую кровать ещё в августе, переставила кресло к окну и сложила материнские вещи в коробки, но каждый предмет всё равно сохранял своё прежнее назначение. Крючок в передней помнил материнский серый платок. Низкая скамья — зимние сапоги, которые Вера помогала ей надевать. Полка — пакет с направлениями и запасными бахилами.

Она сняла с вешалки своё пальто, унесла обувную коробку в кладовую и поставила вдоль стены ещё три стула. Потом взяла лист писчей бумаги и толстым фломастером написала:

«Здесь можно ждать транспорт, согреться, выпить воды и позвонить. Лекарства не выдаются. Уколы, капельницы, перевязки и другие процедуры не выполняются. При ухудшении самочувствия звоним 112 или в амбулаторию».

Слово «перевязки» она дописала после короткой паузы. Потом добавила внизу: «Открыто сегодня до прибытия автобуса».

Лист приклеила к внутренней стороне двери, на уровне глаз. Из кухни принесла электрический чайник, пять кружек и бутылку воды. Сахар оставила в банке, чай — в коробке. Домашнюю аптечку убрала с верхней полки передней в спальню и закрыла дверь. Даже йод и вату. Не потому, что боялась людей, а потому, что знала силу предмета, лежащего под рукой. Если на столе стоит коробка пластырей, просьба взять один кажется пустяком. Потом появляется таблетка, потом шприц, потом фраза: «Ты же всё равно медсестра».

В боковую дверь постучали условным стуком Лиды — два раза быстро, один медленно. Вера открыла.

Тамара вошла первой, прижимая к груди прозрачную папку. За ней Аркадий, Фёдор Горин, Валентина Матвеевна из дома у спуска и сама Лида. От одежды пахло морозом, дымом и соляжкой. Они принесли на подошвах сухой скрипучий снег, который сразу начал таять на половине.

— Вот это по-человечески, — сказал Аркадий.

— Это до автобуса, — ответила Вера.

Он уже снимал куртку.

— А я что говорю?

Тамара прочитала объявление до конца, не проходя дальше двери.

— Правильно, — сказала она. — Только телефон районной регистратуры тоже напиши.

— Напишу.

— И диспетчера перевозчика.

— Его номер у Лиды в тетради.

— Тетрадь сейчас у меня, — сказала Лида и подняла холщовую сумку.

Она повесила пальто на материнский крючок. Вера увидела это и неожиданно разозлилась, хотя крючок был обычный, латунный, купленный когда-то в хозяйственном магазине. Лида заметила её взгляд, сняла пальто и переложила на спинку стула.

— Куда можно?

— Туда можно было.

— Я поняла.

Никто, кроме них, не понял, о чём речь. Вера взяла у Лиды пальто и сама повесила его на крайний крючок. От этого стало ещё хуже: будто она не открыла временное укрытие, а начала рассаживать гостей.

— Чай сами, — сказала она. — Я переоденусь и пойду в амбулаторию. Когда автобус подойдёт, Лида закрывает дверь.

— А ключ? — спросила Лида.

— Я вернусь.

— Если вас повезут раньше?

— Тогда позвонишь, я приду.

— Можно мне взять запасной?

— Нет.

Слово прозвучало жёстче, чем Вера хотела. Фёдор перестал тереть ладони и посмотрел на пол. Аркадий усмехнулся.

— Боишься, вынесем сервант?

— Боюсь, что мой дом откроют без меня и назовут это общим делом.

— Кто назовёт?

— Тот, кому будет удобно.

Тамара сняла варежки.

— Ключ не нужен. Сегодня дождёмся Веру. А к понедельнику администрация пусть исполнит своё решение.

— Если исполнит, — сказала Лида.

— Если не исполнит, запишем, что не исполнила. Дом Веры тут ни при чём.

Вера благодарно посмотрела на Тамару, но та уже разливала воду по кружкам и не ждала благодарности.

В амбулатории Таня сидела у обогревателя в шерстяной кофте поверх формы. Кабинеты прогревались медленно. Опечатанная дверь бывшего стационара покрылась изнутри мутной испариной, и красно-белая лента казалась нарисованной на стекле.

— Я видела, они к тебе пошли, — сказала Таня. — Правильно. В администрации дубак.

— Там не дубак. Там закрыто.

— Тем более. А если так каждую поездку?

Вера включила компьютер.

— Не будет каждую поездку.

— Зал всегда кто-нибудь забудет открыть. Ты же знаешь наших.

— Тогда нужен работающий ключ, а не мой дом.

Таня пододвинула к обогревателю ноги.

— Я ничего не говорю. Просто у тебя близко.

Эта фраза и была началом. Не просьба, не решение, не приказ. Простое описание состояния, из которого незаметно вырастала обязанность.

Вера открыла электронную почту. От перевозчика пришло сообщение: резервный автобус выехал с базы в шесть пятьдесят две. Отдельно было указано имя водителя и телефон диспетчера. Новая форма лежала во вложении. В первой строке значились девять заявленных пассажиров, хотя сегодня должны были ехать восемь.

Она сверила список. Фёдор Горин стоял дважды: в основной строке и внизу после переноса. Ошибка была понятная, но если оставить её сейчас, вечером получится девять заявленных и восемь доставленных. Потом кто-нибудь скажет, что человек не явился.

Вера позвонила в районную регистратуру. Дежурная нашла дубликат, исправила число и прислала новую форму. На это ушло одиннадцать минут. В прежнем порядке никто не заметил бы лишнюю фамилию до конца месяца, а возможно, не заметил бы вообще.

В семь двадцать пять Лида сообщила, что автобус въехал в посёлок. Вера надела пальто и пошла домой. Рассвет только обозначился за крышами серой полосой. У её калитки стояли ещё две женщины, не включённые в список.

— Мы проводить, — объяснила одна. — Валю мою качает после этих процедур, я потом встречу, а сейчас посижу с ней.

Вторая принесла трёхлитровую банку компота.

— К чаю.

— Чай есть, — сказала Вера. — В передней восемь человек, там тесно.

— Я постою.

— Стоять можно у администрации. Сейчас автобус подойдёт.

Женщина с компотом обиделась.

— Мы не лечиться к тебе пришли.

— Я знаю. Я открыла дверь для тех, кто мёрз из-за закрытого зала.

— Так мы разве чужие?

Вера почувствовала, как изнутри дома на неё смотрят. Ответить «чужие» было невозможно и неправда. Ответить «заходите» означало отменить собственное условие через сорок минут после того, как она его написала.

— Вы не чужие. Но дом мой, и сегодня он не место встречи. Валентина Матвеевна выйдет через пять минут.

— Возьми хоть компот.

— Не надо.

Женщина прижала банку к животу и отошла от калитки. Лида встретила Веру в передней шёпотом:

- Могла пустить на пять минут.
- Могла. А потом ещё двоих.
- Они Валю провожают.
- Провожать можно у автобуса.
- Здесь людям спокойнее.
- Вот именно.

В комнате было жарко. Аркадий подкрутил батарею до конца, на стекле выступил конденсат. Чайник кипел второй раз. На подоконнике уже лежали пакеты с бутербродами, шерстяные носки, папка Тамары и журнал Лиды. Чужие вещи заняли комнату быстрее людей.

Вера выключила чайник из розетки.

— Автобус у администрации.

Все задвигались. Аркадий допил чай стоя и поставил кружку в раковину маленького умывальника. Фёдор хотел вымыть за собой, но Вера остановила: автобус ждать не станет. Тамара проверила по журналу восемь фамилий. Лида считала вышедших вслух.

Аркадий задержался у двери.

- К обеду вернёмся.
 - Если по расписанию, в час десять.
 - Здесь подождём, пока за нами придут?
 - Где подождём?
 - Ну, если автобус раньше придёт. Или позже. После дороги погреться.
 - Нет. В администрации.
 - Утром пустила, а днём уже нельзя?
 - Утром зал оказался закрыт на морозе. Днём он будет открыт.
 - Тебе трудно дверь открыть?
 - Нет. Мне трудно потом закрыть её так, чтобы вы не решили, будто я выгнала больных.
- Аркадий посмотрел мимо неё в комнату, где на столе остались мокрые круги от кружек.
- Мать бы открыла.

Вера ждала этой фразы с той минуты, когда позвала людей. Поэтому она не застала её врасплох.

— Мама открывала свой дом, когда хотела. Я открыла свой сегодня утром. Это разные решения.

- Дом тот же.
- Хозяйка другая.

Он вышел, не застегнув куртку. Тамара, стоявшая за ним, задержалась на пороге.

- Лист не снимай, — сказала она. — Даже когда закроешь.
- Почему?
- Чтобы все видели, что именно ты разрешила. И чего не разрешила.

Автобус ждал у самого крыльца администрации. Водитель вынес складную ступеньку, хотя на прошлом рейсе говорил, что её нет. Вера отметила время — семь тридцать семь. Восемь человек сели. Лида записала число в гражданский журнал, водитель — в свою часть формы. Дежурная администрации, наконец пришедшая с Верхней, открыла зал и показала новый приказ на стене: первый ключ у неё, второй временно у диспетчера котельной, до понедельника должны сделать третий для главы посёлка.

— Не надо третьего, — сказала Лида. — Надо, чтобы один из двух был здесь до шести утра.

- А если потеряется?
- Три тоже потеряются, если все в карманах.

Вера посмотрела на часы. Ей нужно было возвращаться в амбулаторию.

— Запишите сегодняшнее: зал открыт в семь сорок две, после отправления.

— И твой дом, — сказала Лида.

— Мой дом в отчёт не вписывай.

— Почему? Люди не замёрзли благодаря ему.

— Потому что это не решение района и не часть перевозки. Если впишешь как выполненную меру, в следующий раз скажут ждать у меня.

Дежурная администрации поджала губы. Лида открыла тетрадь и написала стоя на подоконнике: «Зал администрации к ожиданию не открыт. Временно люди согревались в частном доме по разовому приглашению хозяйки. Постоянной заменой не считать».

— Так честно?

— Так точно.

К десяти утра о передней знала вся Причальная. В амбулаторию позвонили трижды. Сначала спросили, можно ли оставить у Веры сумку до обратного автобуса. Потом — будет ли она открывать комнату в понедельник. Третий звонок был от главы посёлка: он благодарил за «оперативно организованный пункт ожидания».

— Я не организовывала пункт, — сказала Вера.

— Ну, как ни назови. Выручили людей.

— Я пустила восьмерых в переднюю на час, потому что ваш зал был закрыт.

— Нашу дежурную задержал гололёд.

— Тогда ключ должен ночевать у человека, который живёт рядом.

— Решим.

— Когда?

— В понедельник на планёрке.

— Следующий рейс в понедельник до планёрки.

Глава помолчал.

— Сегодня передам ключ сторожу школы. Он с шести на месте.

— Школа в другой стороне.

— Семь минут пешком.

— Для сторожа или для Тамары?

— Для сторожа. Он откроет.

— Запишите это в приказе и дайте номер телефона человеку, который ведёт список.

— Вере Андреевне, вы всё равно рядом, если что.

— Если что — звоните сторожу.

Она положила трубку и заметила Танин взгляд.

— Что?

— Ничего. Ты просто умеешь из спасибо сделать инструкцию.

— Спасибо людей не согреет в понедельник.

— А инструкция согреет?

— Открытая дверь согреет. Инструкция нужна, чтобы кто-то её открыл.

Таня хмыкнула, но через минуту принесла лист с номером школьного сторожа и прикрепила возле телефона.

После полудня автобус задержался в районе. Процедуры закончились вовремя, но одному пациенту назначили дополнительный осмотр, и водитель ждал. В двенадцать сорок Лида позвонила Вере и спросила, открывать ли зал администрации для встречающих.

— У тебя есть ключ?

— Дежурная открыла. Я спрашиваю про твой дом. Аркадий всем сказал, что после дороги можно будет погреться у тебя.

Вера закрыла глаза. В коридоре амбулатории хлопнула дверь, кто-то отряхивал снег.

— Нельзя.

— Я так и сказала. Он говорит, ты передумаешь.

— Не передумаю.

— Тогда сама ему скажи.

— Ты ведёшь журнал, а не охраняешь мою калитку. Если он придёт, скажу.

Аркадий пришёл без остальных. В половине второго Вера увидела его из окна амбулатории: шёл медленно, одной рукой держался за ограду. Она вышла прежде, чем Таня успела спросить, куда.

— Что случилось?

— Ничего. Укачало.

— Сесть можешь?

— До дома дойду.

— Давление мерили после процедуры?

— Мерили там всё.

Она смотрела на цвет его лица, на ровность шага, на то, как он отвечает. Профессиональная привычка работала быстрее обиды.

— Зайди в амбулаторию. Таня измерит ещё раз. Если нужно, свяжемся с врачом.

— Я к тебе хотел. Полежу полчаса.

— В амбулатории есть кушетка.

— За лентой?

— В процедурном кабинете общей части.

— Там люди ходят.

— И медицинская помощь там законна.

Он выпрямился.

— Уже законна, значит. Пока я к тебе не попросился, ты за меня испугалась.

— Я и сейчас за тебя беспокоюсь. Поэтому предлагаю место, где можно проверить состояние.

— А дома у тебя нельзя просто лечь?

— Сегодня нельзя.

— Почему сегодня? Ты там сама не живёшь, что ли?

Вера поняла, что объяснять больше нечего. Любая новая причина станет предметом торга.

— Потому что я не разрешаю.

Аркадий отпустил ограду и пошёл дальше. Шаг у него был медленный, но ровный. Вера не вернулась в амбулаторию, пока он не дошёл до своего поворота. Потом позвонила ему. Он сбросил вызов. Через десять минут перезвонила соседка Аркадия и сказала, что он дома, сидит на кухне, давление обычное для него. Вера поблагодарила и попросила вызвать скорую при ухудшении. Соседка согласилась, а затем спросила:

— А почему он у тебя полежать не мог?

Вера повторила:

— Потому что я не разрешила.

После смены она долго не шла домой. Проверила журнал температуры в холодильнике, хотя лекарства из дневного стационара уже перевезли в район. Пересчитала чистые простыни. Ответила на письмо с нового места. Там просили подтвердить, нужна ли ей комната в общежитии с восемнадцатого марта или только с двадцать четвёртого. Вера написала: «С восемнадцатого». Нажала «отправить» и почувствовала, как решение, принятое летом, снова стало настоящим.

У калитки её ждала картонная коробка. Внутри лежали пачка чая, два килограмма сахара, бумажные стаканы и записка Лиды: «На комнату ожидания. Не сердись. Это не значит навсегда».

Вера взяла коробку, перешла улицу и отнесла её в закрытый гостевой дом Лиды. Свет горел на первом этаже. Лида открыла почти сразу.

— Я же написала.

— Написала не то, что сделала.

— Люди выпили твой чай. Я вернула.

— Тогда подпиши: возврат за восемь кружек. Остальное оставь себе.

— Вера, не смейся.

— Я не шучу. Коробка превращает переднюю в место, которое уже снабжают. Потом понадобится график. Потом ключ. Потом скажут, что закрыть нельзя, потому что сахар куплен на общие деньги.

— Не на общие. Я купила.

— Ещё хуже. Ты решишь, что можешь открыть, потому что вложились.

Лида отступила от двери.

— Заходи. На улице холодно.

Вера едва не рассмеялась. Вместо этого поставила коробку на пол в холле.

— Вот. Ты открыла, я вошла. Но теперь это не делает твой дом общественным.

— Мой гостевой дом вообще-то для людей.

— Летом. За деньги. По твоему решению.

— А твой дом — памятник тёте Нине?

Вера посмотрела на неё.

— Не надо.

— Я не хотела про твою мать. Я хочу понять, чего ты защищаешь. Пустую переднюю?

— Право решить, когда она пустая.

Лида села на коробку, смяв угол крышки.

— Сегодня там было хорошо. Не в смысле весело. Нормально. Люди не мёрзли, никто не толкался у закрытой двери. Тамара проверила список. Фёдор дозвонился диспетчеру. Даже Аркадий не ругался первые десять минут. Это же работает.

— Работает, пока я встала в шесть, убрала вещи, налила воду, закрыла аптечку, пустила людей и вернулась запереть. Из твоей тетради это исчезает.

— Я записала частный дом.

— Запиши действия.

— Какие?

— Кто открыл. Кто закрыл. Кто убрал. Кто отвечает, если человеку станет плохо. Где туалет. Что делать с ключом. Что нельзя делать. Сколько раз можно сказать «только сегодня», прежде чем это станет расписанием.

Лида подняла голову.

— Хорошо. Запишу.

— Не для моего дома. Для любой комнаты ожидания.

— Для мастерской?

— Мастерская пока пустое здание. Для зала администрации. Для вашего гостевого дома, если ты сама захочешь. Для места, которое не держится на том, что одна женщина не умеет отказать.

— Ты умеешь.

— Учусь.

Лида провела ладонью по крышке коробки.

— Я утром попросила ключ, потому что боялась, что автобус придёт без тебя. Не потому что хотела забрать дом.

— Я знаю.

— Но получилось одинаково.

— Получилось начало одинакового.

Они разделили покупки. Лида отсчитала восемь бумажных стаканов, отсыпала чай в небольшой пакет и насыпала сахар в банку из кухни. Вера хотела отказаться от сахара, но поняла, что это уже будет спор ради победы. Взяла ровно столько, сколько примерно ушло утром.

— В понедельник откроют зал, — сказала Лида.

— Проверим.

— Если не откроют?

— Позвоните главе, сторожу, Серову. Запишите срыв условия. Автобус пусть ждёт людей у крыльца, а не люди автобус на морозе.

— А если ждать час?

Вера застегнула пальто.

— Тогда решим в понедельник. Не сегодня за всех будущих понедельников.

Дома она вымыла кружки и вытерла лужицы под стульями. Передняя снова стала тесной комнатой с её пальто, ботинками и старым зеркалом. Но прежней не стала. На стене висел лист с правилами. На подоконнике осталась забытая шерстяная перчатка Фёдора, на скамье — вмятина от папки Тамары. В воздухе держался запах чужого чая.

Вера дописала на объявлении дату и время: «Пятница, с 6:35 до 7:35». Ниже: «Разовое решение из-за закрытого зала администрации».

Потом сфотографировала лист и отправила Лиде для журнала. Та ответила: «Принято. В понедельник сначала проверяем зал».

Через минуту пришло ещё одно сообщение — от Аркадия: «Завтра зайду. Сделаешь укол, ампулы есть».

Вера прочитала дважды. Укол ему назначали раньше в дневном стационаре, но после закрытия врач должен был определить, где продолжать курс. Аркадий не спросил, можно ли. Он сообщил, что придёт, словно утренняя открытая дверь отменила не только замок, но и всё написанное на листе.

Она набрала: «Дома уколы не делаю. Позвоним в амбулаторию и уточним назначение и место процедуры».

Ответ появился сразу: «Не чужому же человеку».

Вера не стала объяснять, что безопасность не зависит от родства. Завтра это придётся сказать вслух — ему, Лиде, возможно, всей улице. Она выключила свет в передней, но лист оставила на двери, как советовала Тамара.

В темноте белая бумага ещё долго виднелась из кухни. Комната ожидания просуществовала один час. Этого хватило, чтобы она помогла восьмерым людям, исправила одну чужую небрежность и породила ожидание, будто теперь будет открыта всегда.

Глава 7. Первое удобное нарушение

Аркадий пришёл в субботу в девять утра с белым пакетом из районной аптеки.

Вера увидела его через кухонное окно. Он не постучал в калитку, потому что щеколда днём обычно оставалась открытой. Прошёл по дорожке, стряхнул снег с ботинок и поднялся на крыльцо так уверенно, словно вчерашней переписки не было.

Вера открыла дверь прежде, чем он нажал звонок.

— Я написала: дома уколы не делаю.

— А я не прошу дома. Можно в амбулаторию сходить.

— Сегодня суббота. Там дежурный фельдшер до двух, если назначение действующее.

— Вот назначение.

Он протянул сложенный лист. Вера не взяла пакет, только бумагу. Назначение было выписано три недели назад районным неврологом: пять инъекций, по одной через день. Первые три Аркадий получил в дневном стационаре, четвёртую пропустил в день закрытия. Срок курса заканчивался позавчера.

— Нужно связаться с врачом, — сказала Вера. — Нельзя самим сдвигать дни.

— Один день туда, один сюда.

— Уже два.

— Так позвони.

— Позвоним в дежурную службу вместе.

Она вернула лист. Аркадий не убрал руку.

— Ты же видишь, что написано.

— Вижу старое назначение и пропуск. Решение о продолжении принимает врач.

— Раньше ты делала.

— Раньше ты приходил в стационар в назначенный день.

— Игла та же, руки те же. Что изменилось?

— Место, срок и ответственность.

Он поднял пакет.

— Всё своё. Даже спиртовые салфетки купил.

Именно так выглядело удобное нарушение: чистый пакет, знакомый препарат, родной человек на крыльце. Никакой тайны, никакой платы, никаких видимых последствий. Пять минут работы вместо часа звонков и дороги в дежурную амбулаторию. Если бы Вера согласилась, никто не назвал бы это опасным. Сказали бы, что она поступила по-человечески.

— Убери лекарство в соответствии с инструкцией, — сказала она. — Одевайся теплее. Через десять минут пойдём к фельдшеру.

— Я уже одет.

— Тогда ждём звонка.

— В домпустишь?

Вера отступила от двери.

— На кухню. Пакет оставь при себе.

Аркадий прошёл мимо объявления в передней и прочитал его вслух, выделяя каждое запрещённое слово:

— «Лекарства не выдаются. Уколы, капельницы... не выполняются». Хорошо придумала.

Сама себе приказ написала.

— Чтобы каждый раз не спорить заново.

— А мы всё равно спорим.

— Значит, лист нужен.

Вера набрала номер районной регистратуры. Субботний автоответчик перечислил экстренные телефоны и перевёл вызов на дежурного администратора. Тот попросил назвать дату рождения Аркадия, номер назначения и препарат, потом сказал ждать обратного звонка врача.

— Сколько? — спросил Аркадий.

— До тридцати минут.

— За тридцать минут ты бы уже сделала.

— Сделала бы что? Продолжила курс, который закончился? Начала заново? Вколола четвертую дозу через четыре дня вместо двух? Вот для этого и нужен врач.

Аркадий сел за кухонный стол. На его месте раньше сидела мать Веры. Он тоже положил левую ладонь у края, где клеёнка была протёрта до ткани. Сходство рассердило Веру сильнее, чем упреки.

— Нина не стала бы меня гонять, — сказал он.

— Мама не была медсестрой.

— Зато понимала, когда человеку помочь надо.

— Она звонила бы мне.

— И ты пришла бы.

Вера налила воду в чайник, но не включила. Не хотела превращать ожидание врача в утреннее гостевание.

— Возможно. Если бы было действующее назначение, подходящие условия и моя рабочая смена. А возможно, вызвала бы фельдшера.

— У тебя на всё теперь условия.

— Они и раньше были. Просто помещение брало часть условий на себя. Там хранились документы, был процедурный кабинет, вода, контейнер для использованных игл, журнал, телефон врача. Когда мы потеряли помещение, руки у меня остались. Остальное исчезло.

— Контейнер я бы тебе купил.

— А лицензию? Осмотр перед процедурой? Порядок на случай реакции? Уборку? Учёт?

— Вон оно что. Значит, соседке давление измерить тоже лицензия нужна?

— Давление измерить можно. Сказать, что делать с результатом, — уже смотря что случилось. Укол — это не измерение.

В дверь постучали. На пороге стояла соседка Аркадия, Зоя Семёновна, в накинутом поверх халата пуховике.

— Он у тебя? Я видела, пошёл с лекарством. Мне тоже потом можно спросить?

Аркадий отодвинул стул, чтобы она вошла.

— Нельзя, — сказала Вера, не двигаясь с места.

Зоя замерла на пороге.

— Я только спросить.

— Спросить можно. Проходите. Но процедуры дома я не делаю.

— Мне не процедура. Перевязать ногу. Там маленькое.

— Сегодня работает дежурный фельдшер.

— Из-за маленького через всю улицу?

— Если хотите, я запишу телефон и предупрежу, что вы придёте.

— Ты же бинт быстрее наматываешь.

Аркадий развёл руками: вот, мол, не он один считает отказ нелепым.

Вера спросила:

— Рана свежая?

— Со среды.

— Краснота увеличилась? Температура есть? Боль сильнее?

— Да нет. Я не больная.

— Тогда тем более можно спокойно дойти до фельдшера и показать при хорошем свете.

— Ладно, — сказала Зоя. — Я думала, раз открыли тут эту комнату...

— Вчера открыли переднюю на час для ожидания автобуса. Не кабинет.

— Так я без претензий.

Зоя ушла, явно с претензией. Вера закрыла дверь и увидела, что Аркадий улыбается.

— Что?

— Ничего. Скоро объявление на калитку повесишь: родным не входить.

— Ты вошёл.

— Но помощи не получил.

Телефон зазвонил. Дежурная врач районной поликлиники представилась Галиной Олеговной, попросила передать трубку Аркадию и десять минут расспрашивала его о самочувствии. Вера ушла в переднюю, чтобы не отвечать вместо него. Слышала, как он сначала говорил «нормально», потом признался, что боль уменьшилась ещё после второй инъекции, а вчера появилась сыпь на предплечье. Про сыпь он Вере не сказал.

Врач отменила оставшиеся инъекции до очного осмотра и назначила на понедельник время в районном центре. Попросила не вскрывать ампулы и взять упаковку с собой.

Аркадий положил телефон экраном вниз.

— Теперь довольна?

— Нет. Я рада, что ты сказал про сыпь.

— От порошка, наверное.

— Пусть врач решит.

— А если бы я не сказал?

— Поэтому процедуру нельзя делать между чайником и дверью.

Он убрал пакет во внутренний карман.

— Можно было уколаться и не знать. Всё равно прошло бы.

— А могло не пройти.

— У тебя теперь на всё самое плохое.

— Нет. Я просто не выбираю удобный хороший исход как единственный.

Аркадий встал.

— До понедельника терпеть.

— Если станет хуже — звони в скорую. Если сыпь распространится, появится отёк или станет трудно дышать — сразу.

— Это ты сейчас дома сказала. Без лицензии.

— Я повторила указание врача, которое слышала вместе с тобой.

Он ушёл, громко закрыв калитку.

К полудню история уже изменилась. Лида позвонила и спросила, правда ли Вера отказалась сделать назначенный укол родному дяде, хотя лекарство было куплено.

— Назначение отменил врач из-за сыпи.

— Этого мне не сказали.

— Кто рассказал?

— Зоя. Ей Аркадий сказал, что ты отправила его ждать до понедельника.

— В понедельник у него очный осмотр. Не укол.

— Записать в журнал?

— Нет. Это медицинская информация и не относится к поездке, пока он сам не попросит помочь с транспортом.

— Я не про сыпь. Я про то, что дома процедуры нельзя.

Вера посмотрела на лист в передней.

— Это уже написано.

— Лист видят те, кого ты пустила. Остальные решили, что вчера открылось что-то вроде пункта.

— Потому что глава так назвал.

— И потому что мы обрадовались раньше, чем поняли разницу.

Лида предложила встретиться в магазине и ещё раз объяснить правила. Вера отказалась. Если она выйдет к людям как медсестра и объявит, что разрешено в её доме, дом всё равно станет центром решения. Вместо этого попросила Лиду исправить запись у общего журнала: никакого пункта не открыто, передняя использовалась разово только для ожидания транспорта.

— А про процедуры?

— Напиши: медицинская помощь — только через амбулаторию, поликлинику, выездную службу или скорую. Не через журнал жителей.

— Слишком длинно.

— Тогда не пиши. Скажи каждому, кто спросит.

— Каждый спросит тебя.

— Я отвечу то же самое.

Первой пришла Тамара. Она принесла забытую перчатку Фёдора и копию письма артели с входящим номером администрации.

— Во вторник осмотр мастерской, — сообщила она. — Серов приедет с хозяйственниками. Племянник откроет.

— Хорошо.

— Не хорошо. Быстро. Значит, либо хотят отказать сразу, либо у них есть интерес.

— Можно просто посмотреть здание.

— Можно. А ещё Аркадий всем рассказывает, что ты стала бояться собственной работы.

— Он имеет право сердиться.

— Сердиться имеет. Врать — нет.

Вера рассказала только необходимое: назначение оказалось просрочено, после разговора с врачом процедуру отменили. Сыпь не упомянула.

Тамара повертела перчатку в руках.

— Значит, отказ спас от ошибки.

— Не обязательно спас. Мы не знаем, что было бы. Отказ позволил врачу заново оценить назначение.

— Ты даже хорошее слово себе не оставишь.

— Потому что завтра придут с другим уколом и скажут: тот раз спас, а этот не спасёт. Дело не в удаче.

— А в чём?

— В том, что нельзя устраивать процедурный кабинет там, где нет кабинета.

Тамара кивнула на переднюю.

— И комнату ожидания там тоже нельзя?

— Разово можно было. Постоянно — не хочу.

— Это разные ответы.

— Да.

— Так и говори. Не прячь «не хочу» за правилами.

Вера почувствовала укол стыда. Тамара попала точно. Для процедур существовали внешние запреты и реальный риск. Для постоянной комнаты ожидания главной причиной было её собственное нежелание отдать дом. Она смешивала эти причины, потому что правило звучало весомее личного отказа.

— Не хочу, — сказала Вера. — Даже если составить график и убрать аптечку. Могут открыть при разовой аварии, если сама решу. Регулярно — нет.

— Теперь понятно.

— Тебе понятно. Аркадию нет.

— Ему тоже понятно. Ему не нравится.

В воскресенье у магазина появился лист без подписи: «Если медработник живёт рядом, почему больные должны ездить за простыми процедурами?» Под ним кто-то написал: «Потому что дом — не больница». Ещё ниже: «А раньше делали и никто не умер».

Вера увидела лист, когда шла за хлебом. Лида стояла у двери магазина с тетрадью и не знала, снимать его или оставить.

— Это уже не журнал поездок, — сказала Вера.

— Доска общая.

— Тогда пусть висит.

— Там про тебя.

— Имени нет.

— Имя все знают.

Вера вошла в магазин, взяла хлеб и молоко. За прилавком Таня разговаривала с Зоей. При появлении Веры обе замолчали.

— Как нога? — спросила Вера.

— Перевязали. Сказали, ничего страшного.

— Хорошо.

— Но могла и ты.

— Могла намотать бинт. Фельдшер осмотрел рану.

— И что там осматривать?

— Вы пришли ко мне именно потому, что хотели, чтобы медработник посмотрел. Если смотреть не нужно, вы бы перевязали сами.

Зоя открыла рот и закрыла. Таня отвернулась к кассе, пряча улыбку.

На улице Лида сказала:

— Ты их так не убедишь.

— Мне не нужно, чтобы им понравилось. Нужно, чтобы они знали, куда идти.

— А если фельдшера нет?

— Тогда дежурная служба, выезд или перенос назначения. Вот это надо исправлять. Не подменять моей кухней.

— Женю бы сюда. Ей поверят.

Женя Белова была дежурной в районной выездной службе и могла приехать только по вызову. Вызывать её ради спора Вера не собиралась. Но в понедельник утром специальный автобус снова опоздал. Зал администрации на этот раз открыли в шесть пятнадцать, сторож школы расписался в журнале ключей, восемь пассажиров сидели в тепле. Вера уже решила, что хотя бы одно правило сработало, когда Аркадий показал ей руку.

Сыпь поднялась выше локтя.

— Вчера так было? — спросила она.

— Меньше.

— Почему не позвонил?

— Дышу же.

Вера связалась с дежурным врачом. Та распорядилась не ждать планового автобуса, а вызвать выездную службу для осмотра. Через двадцать пять минут приехала Женя на белой машине с синим квадратом районной поликлиники. Осмотрела Аркадия в отдельной комнате администрации, поговорила с врачом и дала ему необходимые указания. Потом попросила остальных выйти на несколько минут и открыла окно.

— Душно у вас, — сказала она.

— Зато открыто, — ответила Лида.

— Это достижение?

— С пятницы — да.

Аркадий сидел у стола, застёгивая рубашку одной рукой.

— Скажи ей, что один укол ничего бы не сделал.

Женя убрала приборы в сумку.

— Не скажу.

— Но сыпь же не от него. Последний был давно.

— Я не знаю, от чего сыпь. Врач будет разбираться. А продолжать препарат после перерыва без повторного решения было нельзя даже без сыпи.

— Все вы теперь одинаково говорите.

— Потому что правила одинаковые.

— В районе тебе можно, а Вере дома нельзя?

— Мне можно выполнять конкретную работу в составе выездной службы. У меня есть назначение, укладка, документы и связь с врачом. Если я зайду к соседке после смены и начну колоть всё, что принесли в пакете, мне тоже нельзя.

— А если родной человек?

— Родство не делает лекарство безопаснее.

Аркадий посмотрел на Веру так, будто она заранее научила Женю этим словам.

Женя повернулась к остальным:

— Давайте один раз договоримся. В комнате ожидания можно согреться, сесть, выпить воды, позвонить. Можно помочь человеку надеть пальто, донести сумку, вызвать транспорт. Нельзя хранить здесь препараты для всех, собирать шприцы, делать процедуры и решать за врача, как переносить назначения. Даже если среди вас сидит медсестра.

— А давление? — спросила Тамара.

— Измерить можно, если прибор исправен и человек согласен. Но если результат плохой, нельзя просто записать цифру и разойтись. Нужно действовать по состоянию: связаться с медиками или вызвать скорую.

— А таблетку свою человек может принять?

— Свою, назначенную ему, он принимает сам. Комната не выдаёт лекарства и не хранит общий запас. Иначе через неделю никто не вспомнит, чья таблетка, кому она назначена и когда куплена.

Лида записывала в отдельный блокнот.

— Можно это повесить?

— Можно написать простыми словами и показать руководителю амбулатории. Только не делайте вид, что это медицинский пункт.

— У нас и комнаты пока нет, — сказала Тамара.

— Вот зал есть. Для ожидания подходит лучше частного дома.

Женя посмотрела на Веру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.